

Частный детектив. Выпуск 8

Симферополь: Дар, 1992

Содержание:

- Патрик Квентин. Возвращение на Бермуды (роман, перевод Э. Гюннера), стр. 3-120
- Луи Тома. Фрагмент (роман, перевод Г. Михайлова, А. Чернер), стр. 121-218
- Джон Д. Макдональд. Темнее, чем янтарь (роман, перевод Е. Валкиной), стр. 219-328

Луи Тома

Фрагмент

ГЛАВА 1

В телефонной трубке послышался низкий голос:

— Хелло, мне нужно поговорить с мсье Морэ.

— Я у телефона, — ответил Даниэль, не вынимая мундштука изо рта.

Он только что пришел домой, и, когда снимал пальто, тишину нарушил телефонный звонок.

— Я с большим интересом прочел вашу статью в журнале «Криминалистика».

— Это было интервью, — пояснил Даниэль и неохотно вынул трубку изо рта. — Статья не моя.

— Но в ней ваши идеи, а важны только идеи.

Звучный голос, какой-то масляный, казалось, принадлежал мужчине, который выделялся среди других не только своим высоким положением, но и респектабельностью.

— Благодарю вас за похвалу, — сказал Даниэль, — но мои идеи не особенно оригинальны. Их высказывали и до меня.

— Не скромничайте, мсье Морэ. Я криминалист, сотрудник ЦНИИ — Центрального научно-исследовательского института...

Даниэль был польщен.

— ...и я провожу исследования о мотивах преступлений. Мне хотелось бы побеседовать с вами.

— С удовольствием.

— К сожалению, мне вечно не хватает времени, но сейчас я как раз свободен и нахожусь в вашем районе.

Было тринадцать часов десять минут. После обеда Даниэль не был занят ничем особенным; кроме того, он любил импровизированные встречи.

— Я буду очень рад, если вы придете, — ответил он.

— Прямо сейчас?

— Да, если хотите, прямо сейчас.

— Очень хорошо. Через несколько минут я буду у вас.

— Поднимитесь на лифте «В» на верхний этаж. Моя дверь — напротив лифта.

Даниэль положил трубку и радостно улыбнулся. Предстоящий разговор интересовал его прежде всего потому, что являлся очередным доказательством заметного возрастания его авторитета за последние годы. Если сотрудник такого института обратил внимание на его деятельность, это, несомненно, свидетельствует о возрастании его авторитета. А разве само интервью в «Криминалистике» не подтверждает это?

Строго оформленный серьезный журнал лежал на столе Даниэля. Он взял его и сел в кресло. Перелистал. «Убийца не интеллигентен». Под таким заголовком на четырех страницах помещалось интервью. Перед ним была статья о реабилитации освобожденных заключенных, а после интервью — статья с соображениями о преступности среди молодежи.

«Убийца не интеллигентен».

«Это мнение высказал специалист, а точнее — Даниэль Морэ, знаменитый автор многочисленных криминальных романов. Мы спросили его: ‘Вас вдохновляют иногда газетные сообщения?’ Он ответил нам совершенно определенно: ‘Нет, убийца не интеллигентен, и поэтому его поступки не могут быть взяты за основу интересного криминального романа’».

Журналист искусно разработал эту тему... Даниэль диву давался, что репортер мог так много написать. Его выводы были неопровержимы и выходили далеко за рамки обычных презентаций.

Валери сожалела, что статья не сопровождалась фотографией Даниэля, ибо считала его весьма фотогеничным.

— Лучше всего, когда ты куришь трубку, — говорила она. — Пожилой человек, сосущий трубку, выглядит стариком, но тридцатипятилетний производит очень мужественное впечатление.

Даниэль не признавался ей, что, в сущности, начал курить трубку лишь из желания внешне походить на типичного автора криминальных романов. Потом это вошло в привычку, и он уже не

мог расстаться с ней. Он раскуривал трубку, а затем растопыренными пальцами проводил по своим коротко подстриженным каштановым волосам.

Фотогеничный или нет — пустяки, важно было только то, что его книги издавались сотысячными тиражами, что его романы экранизировались, а его имя стояло наверху афиш, рекламировавших эти фильмы. Но в чем секрет успеха? Каковы особенности его творчества? Он этого и сам не знал, пока не нашелся критик, который дал объяснения. Даниэль Морэ внес свой вклад в детективную литературу, соединив необычное с повседневным.

«Героев Морэ лепит сама жизнь, — писал критик. — Они такие же, как вы и я, полнокровные, живые люди. Автор выводит их на пути, предначертанные судьбой, без каких-либо теорий о преступниках и их поступках».

Даниэль не слишком пользовался теориями по очень простой причине: он их не знал. Он не был знаком с криминалистикой. И вот через несколько минут ему предстоит увидеться с настоящим криминалистом. Что из этого выйдет? Он сильно волновался, словно перед экзаменом. Он осрамится в разговоре со специалистом в области психологии, психоанализа, социологии, который, возможно, знает кое-что и о судебной медицине. Его же познания в этих областях можно охарактеризовать очень кратко. Они равны нулю.

«Что он обо мне подумает? Определенно, примет меня за набитого дурака».

В статье приводилась еще одна цитата, автором которой Даниэль не был.

«Убийство — скорее всего, поступок инстинктивный, нежели какой-либо другой. Умышленное убийство поэтому является регрессом по отношению к естественному ходу дела и подтверждает регресс интеллекта».

«Кто мог это сказать? Вероятно, Теодор Бликман в своих афоризмах. Если посетитель немного замешкается, я смогу быстренько позвонить Морису».

Морис Латель, друг Даниэля, был критиком и также писал криминальные романы. Кроме того, он был ходячей энциклопедией криминалистики. Все-то он видел, обо всем что-то слышал или читал. Мало того, он все это помнил.

Даниэль взял трубку, собираясь набрать номер Лателя, но не услышал гудка. Он несколько раз нажал на рычаг, но не услышал знакомого сигнала. На линии слышалось только отдаленное потрескивание. Оставив тщетные попытки, он вынужден был с огорчением признать, что телефон не работает. Но отключение произошло совсем недавно, ведь только что все было в порядке. Казалось, судьба сыграла с ним шутку, отрезав от внешнего мира.

Даниэль набил трубку и стал прохаживаться из угла в угол по комнате, служившей ему одновременно и кабинетом, и жилой комнатой.

Квартира была обставлена в стиле супермодерн, и обстановка выдержана в стиле здания. «Двухкомнатный люкс для холостяков», как назвал в объявлении маклер, находился на верхнем этаже четырнадцатизэтажного здания из стекла, бетона и стали. Через громадное окно, занимавшее почти всю стену, открывался вид на небо и крыши Парижа с их причудливым лесом печных труб и телевизионных антенн.

Всего три года назад Даниэль с юношеским восторгом стал наслаждаться жизнью в условиях благосостояния и роскоши. Однако теперь, после поломки телефона, единственной нити, связывающей его с внешним миром, он вдруг почувствовал себя изолированным от остальных людей в своей блестящей коробке, высоко над головами сограждан.

Раздался мелодичный, кристально-прозрачный звук дверного звонка.

«Да, это уже он», — подумал Даниэль.

Он внезапно перестал радоваться своему гостю, но все же пошел открывать дверь.

Гость тщательно вытер ботинки о коврик. Его внешность совершенно не соответствовала представлению Даниэля. В первый момент писатель даже засомневался, что стоящий перед ним человек является ожидаемым посетителем. Он держал под мышкой толстый черный портфель, а к груди прижимал черную фетровую шляпу. Поразительной была его голова. Она казалась чересчур крупной и тяжелой для столь тонкой шеи. Огромный череп был абсолютно лысым и бугристым. Глаза за траурной оправой мигали, словно не переносили света.

— Мсье Морэ, полагаю?

Низкий, маслянисто звучащий голос, конечно, был голосом звонившего по телефону.

— Пожалуйста, проходите.

Даниэль отступил.

Посетитель продолжал стоять на пороге комнаты с выражением одобрения на лице. Он всматривался.

Несмотря на большую голову, тело у него было мальчишеским. На нем был хорошо сшитый темно-синий костюм. Громадный, лысый череп, блестящий и бугристый, с торчащими оттопыренными ушами, рядом с узкими плечами производил особенно гротескное впечатление.

— Пожалуйста, присаживайтесь.

Посетитель опустил в кресло. Шляпу он положил на стол, портфель взял на колени. Затем, опершись локтями о ручки кресла, скрестил пальцы под подбородком. Он наслаждался окружающей элегантно обставленной комнатой и, казалось, ни о чем больше не думал. Впервые он забеспокоился, когда хозяин придвинул подвижной бар со звенящими стаканами и бутылками.

— Нет, благодарю, я не пью, а также и не курю, — добавил он, бросив взгляд на лежащую перед ним пачку сигарет.

Затем с любезной улыбкой заметил:

— Но вы, пожалуйста, курите, мне это нисколько не мешает.

Потом он снова погрузился в молчание.

Несколько озадаченный, Даниэль снова закурил, подошел к письменному столу и сел на свое обычное место за пишущей машинкой.

— Итак, мсье... — начал он.

Даниэль запнулся, не зная, что сказать. Посетитель понял его слова, как приглашение к представлению.

— Оноре Дюпон. В отличие от вашего, у меня самое заурядное имя.

— Зато ваш телефонный звонок был далеко не заурядным.

Затем они обменялись еще несколькими вежливыми замечаниями. При этом Оноре Дюпон заявил, что он является постоянным и ревностным читателем своего кумира. Однако и после этого лед еще не был сломан, и беседа с трудом продвигалась вперед.

«Оноре Дюпон... — подумал Даниэль. — Дюпон — весьма распространенная французская фамилия».

В сущности, такое имя не соответствовало необычной внешности этого человека. Если бы Даниэль использовал своего гостя в качестве прототипа персонажа романа, он дал бы ему другое имя, более подходящее. Наконец его собеседник проговорил:

— Перейду к цели моего визита...

Он порылся в беспорядочном содержимом своего портфеля и извлек оттуда последний номер «Криминалистики».

— Перейду к цели моего визита, — повторил он. — «Убийца не интеллигентен», — прочитал он вполголоса.

Затем хлопнул рукой по журналу и, повысив голос, спросил:

— Вы это действительно говорили?

— Конечно, это мое мнение, — ответил Даниэль.

— И вы так действительно считаете?

— Да, естественно.

— Почему?

Так как Даниэль медлил с ответом, Дюпон задал следующий вопрос:

— Вы располагали статистическими данными? Какими источниками вы пользовались? Какие доказательства вы можете представить?

Итак, совершенно неожиданно Даниэль был вынужден доказывать свое утверждение. До сих пор ему незачем было заботиться об этих «почему» и «каким образом?», но теперь от него с удивительной агрессивностью требовали ответа.

Его собеседник, теперь уже почти противник, с одержимостью враждебно настроенного прокурора пытался загнать его в угол.

— Какие доказательства вы можете привести в пользу ваших утверждений?

— Например, газетные сообщения о случаях убийств.

— Газетные сообщения не могут служить доказательством.

— Мне их достаточно.

Теперь Даниэль тоже потерял спокойствие.

— Каждому известно, что убийцы очень неосмотрительно поступают: либо глупо себя ведут, либо оставляют заметные следы, либо их мотивы настолько очевидны, что их тотчас же ловят.

— Но другие убийцы? Другие, те, которые не пойманы?

Произнося эти слова, Дюпон взглянул на собеседника широко раскрытыми глазами. Даниэль физически почувствовал этот взгляд суженных зрачков серо-голубых глаз, словно стрелами пронзивший его. Он не успел проанализировать свое странное ощущение, как тяжелые веки снова опустились.

— Вы забываете убийц, дела которых не раскрыты.

— Да, я согласен с вами, отдельные преступники еще не выявлены, — сказал Даниэль.

— И не будут выявлены, — радостно подхватил Дюпон.

Его щеки вспыхнули, а глаза за стеклами быстро заморгали.

«Может показаться, что он рад этому, — подумал Даниэль. — Смешной парень».

Его гость, в сущности, не производил на него ни приятного, ни отталкивающего впечатления. Даниэль испытывал к нему чисто профессиональное любопытство.

А может, он беседует с сумасшедшим, который считает искусством идеальное убийство? Как далеко может зайти такое профессиональное заболевание, душевно и умственно? Ради забавы Даниэль подлил масла в огонь.

— Если единичные случаи и остались нераскрытыми, — сказал он, — то причина прежде всего состоит в том, что преступникам просто повезло.

— Вы не считаете возможным идеальное убийство?

— Идеальных убийств не существует, есть только неидеальные криминалисты.

Эта игра слов произвела на Дюпона сильное впечатление. Он покачал головой и заметил:

— От вас, мсье Морэ, я действительно ожидал каких-то каверзных взглядов, а вы попросту считаете убийц слабоумными.

Он печально покачал головой.

— Выходит, на всех и каждого следует навесить один и тот же ярлык.

— Но если человек убивает ближнего своего, это указывает на его деградацию.

— Вы смешиваете интеллигентность и мораль, — заметил Дюпон.

— Во всяком случае, убийца — ненормальный человек.

— Но кто же тогда нормальный? Нечто среднее, посредственность?

— Можно не презирать людей посредственных за их порядочность.

— Но тогда вы не понимаете, что криминалистика — феномен незаурядности.

Вопросительно подняв брови, Дюпон смотрел на Даниэля, желая убедиться, что тот внимательно следит за его аргументами.

— Преступники — это исключение из категории людей. Процентное отношение кретинизма и интеллигентности среди них такое же, как и среди других. Все революционеры — отклонение от нормы, и все гении.

Увлеченный собственным вдохновением, он ерзал в кресле. Широкий лоб нахмурился, а глаза сузились в маленькие щелки.

— Если умственно высокоразвитый человек пойдет на преступление, мсье Морэ, то на основании какого критерия установите вы тогда, что он не интеллигентен?

— Очень просто: у него будет сто шансов против одного, что его схватят.

Учитывая возбужденное состояние своего посетителя, Даниэль намеренно спокойным голосом продолжал:

— А если он идет на такой риск, то это не указывает на его интеллигентность.

— У вас нет никаких доказательств, что шансов — сто к одному. Высокоинтеллигентный человек может сократить этот риск до минимума.

— Но он не может предусмотреть все срывы и случайности.

— Несмотря на это, он в состоянии предусмотреть все.

Немного обдумав свои слова, Дюпон повторил:

— Можно даже предусмотреть все.

Поскольку Даниэль сделал скептическую мину, он с новым подъемом пустился в спор.

— И я могу вам это доказать.

Чтобы сосредоточиться, он закрыл глаза. Заговорил очень тихо, едва шевелил губами, и его слова, казалось, следовали за его мыслями.

— Предположим...

Он наклонился, открыл глаза, и Даниэль снова почувствовал, как он сверлит его взглядом.

— Предположим, что я пришел сюда, чтобы убить вас.

— Меня... убить?

Даниэль громко рассмеялся. Он нашел эту мысль весьма забавной, но его гость не разделял веселья.

— Это не шутка, мсье Морэ.

— По меньшей мере, это — неудачный пример.

— О, нет, он не так уж плох, как вам кажется.

— Ну, хорошо.

Даниэль поднес горящую спичку к только что набитой трубке. Глубоко затянувшись, он спросил:

— Как вы будете убивать меня?

— При помощи пистолета.

Дюпон хлопнул рукой по портфелю.

— Пистолетом, который лежит у меня в портфеле.

— А грохот выстрела?

— Пистолет, конечно, снабжен глушителем.

— Хорошо.

Даниэль кивнул.

— Интересно, а не видел ли кто-нибудь вас, когда вы шли ко мне?

— Я был один в лифте, и лестничная клетка была пуста. Мне только нужно быть осторожным, когда я буду выходить из дома. Но даже если кто-нибудь меня и заметит... В этом здании, по меньшей мере, пятьдесят квартир.

— Даже шестьдесят.

— Поэтому я буду всего лишь безымянной фигурой среди множества безымянных людей. Кроме того, наша встреча не была запланирована. Десять минут назад вы даже не знали о моем существовании. Я даже могу не опасаться, что вы кому-нибудь рассказали обо мне.

Даниэль обрадовался, что нашел прореху в аргументах своего гостя. Торжествующим жестом он остановил его.

— Один момент! Откуда вы знаете, что после вашего звонка я никому не сообщил о вашем приходе?

— У вас не было времени принять до меня ни одного посетителя.

— Но я мог поговорить по телефону.

Дюпон выслушал возражение с усмешкой, значение которой не было ясным. Он пожал плечами, встал с портфелем в руке, подошел к окну. Тусклое октябрьское солнце нежным светом отразилось на его лысом черепе.

— Мсье Морэ, если бы я пришел, чтобы убить вас, — он кашлянул, — то я просто блокировал бы ваш аппарат после своего звонка.

Даниэль хотел было схватить трубку, но овладел собой. Вместо этого он судорожно схватил глиняный сосуд, в котором хранил табак.

«Нет, — подумал он, — этого не может быть. Он не может этого знать, это — просто случайность. Это определено — только случайное совпадение. В некоторых районах Парижа, обслуживаемых устаревшими телефонными станциями, чтобы заблокировать аппарат, одному из участников разговора достаточно не опустить трубку на рычаг».

Однажды он и сам это использовал, чтобы попробовать такой прием в своем романе. Но сделал ли это Дюпон?

— Мы здесь наверху совершенно изолированы, — продолжал Дюпон и взмахом руки показал на небо, по которому двигались кучевые облака. — Мы изолированы так же, как на вершине Гималаев. Справа и слева от этой комнаты расположены ваши подсобные помещения. Над вами нет жилья, а под вами временно никто не живет.

Даниэль замер на месте, но слушал внимательно. Какой-то внутренний голос тихо нашептал ему: «Он точно информирован о твоей квартире и твоих жизненных обстоятельствах. Кроме того, он принял все необходимые меры предосторожности, чтобы сохранить в тайне эту встречу. Он явился с совершенно определенными намерениями и, наверняка, не для того, чтобы обсуждать твое интервью».

Что в его портфеле? Бумаги, документы? Почему бы не оружие? Вдруг Даниэля охватил страх, противоречащий всякому здравому смыслу и также трудно объяснимый, как и его причина.

«Полное безумие, — подумал Даниэль, — это просто идиотство, все это я просто воображаю. Стоит мне только захотеть, и я могу уложить его одним ударом».

Все же у него не было оснований броситься на своего гостя. Внутренняя борьба, проходившая в его сознании, быстро закончилась. Разум победил инстинкт. Если кого-то собираются убить, то должен существовать мотив.

Когда Даниэль высказал вслух это соображение, оно прозвучало как вызов судьбе.

Оноре Дюпон, задумчиво смотревший на кучевые облака, повернулся к нему. На его лице играла загадочная улыбка.

— У всякого человека есть хотя бы один смертельный враг, хотя он, возможно, и не подозревает об этом.

— У меня определенно нет.

— Хотя он, возможно, и не подозревает об этом, — с нажимом повторил Дюпон. — Может быть, я и есть тот смертельный враг. Я могу завидовать вам или ревновать вас.

Он эффектно проковылял к своему креслу и добавил:

— Может быть, я муж Валери.

— Валери не замужем.

— Откуда вы знаете?

Да, откуда он мог это знать? Он знал, что Валери Жубелин двадцать восемь лет, что у нее длинные белокурые волосы, что она элегантно одевается, весьма очаровательна и совсем не глупа. Он знал, что она работает графиком в рекламном агентстве на Елисейских полях, что живет одна и любит утку с апельсинами.

В октябре прошлого года он пригласил ее на вечеринку, на коктейль. От скуки она на салфетке нарисовала карикатуру на гостей.

— Бокал шампанского, мадемуазель?

Она поблагодарила и нарисовала карандашом его портрет. У Валери всегда был в руке рисовальный карандаш. Оноре Дюпон послужил бы для нее идеальной моделью. Смешно было бы представить Оноре Дюпона мужем этой молодой женщины, и Даниэль отбросил подобную мысль. Но все же сердце его сильно забило. А если все же именно так? Если Валери живет отдельно от своего мужа и взяла свою девичью фамилию? Если Дюпон действительно пришел к нему из ревности? А он, Даниэль, с наивностью, граничащей с глупостью, только что признался в любовной связи.

— Не волнуйтесь, мсье Морэ, — насмешливо проговорил Дюпон. — Я не муж Валери.

Но может ли он не волноваться?

— Но вы знакомы с ней? — спросил Даниэль.

— О да, очень хорошо, но она, вероятно, меня не знает.

«Он удивительно хорошо информирован о твоей личной жизни, — сказал Даниэлю внутренний голос. — Он провел о тебе целое расследование. Почему?»

Дюпон, казалось, читал мысли Даниэля.

— Я тоже живу на улице Гей-Люссака, в доме номер пятьдесят семь. Да, в том же доме, что и мадемуазель Жубелин. Я часто ее встречаю.

Почему бы и нет? Объяснение было правдоподобное и должно было рассеять все опасения. Однако старый страх Даниэля был вызван поведением гостя. Он уже совсем отошел от причины своего визита.

— Вернемся к нашей теме, — снова заговорил Дюпон. — К тому, что мотив действительно часто приводит убийцу к провалу.

— Да, это золотое правило полиции — прежде всего ставить вопрос: кому выгодно преступление?

Чрезвычайно усердно Даниэль подхватил нить беседы, чтобы скрыть свои тревоги.

— Кто имеет мотивы, автоматически попадает под подозрение, — согласился Дюпон.

— К счастью для полиции и к несчастью для преступника, большей частью мотив — один или два человека.

— Однако кто-то может иметь скрытый мотив, о котором никто не догадывается, — задумчиво сказал Дюпон.

— И даже если все хорошо скрыто, то, тем не менее, это когда-нибудь, рано или поздно, выявится.

Дюпон уселся на ручку кресла. Одну ногу он поставил на пол, а другой покачивал в воздухе. Даниэль обратил внимание на то, что на нем ботинки, давно вышедшие из моды.

— Итак, следует признать, — задумчиво произнес Дюпон, — что лучшие шансы — у убийцы, не имеющего мотива.

Он не улыбался, но его лицо светилось как бы скрытой радостью.

— Таким образом, идеальным случаем для убийства, — он понизил голос, — будет совершенно бессмысленное убийство.

«То есть поступок сумасшедшего», — хотел возразить Даниэль, но, увидев пристальный взгляд серых глаз, промолчал. И вдруг ему стало совершенно ясно то, о чем он смутно догадывался. Перед ним находился сумасшедший. Мурашки пробежали по его спине.

Да, это не вызывало сомнений. Дюпон был из тех безумцев, которые на первый взгляд кажутся нормальными. Он вообразил, что посредством своего интервью в «Криминалистике» Даниэль бросил ему вызов. Так мог реагировать только сумасшедший.

— Убийство, кажущееся бессмысленным, — сказал Дюпон, — это идеальное убийство.

«Как далеко может зайти безумие навязчивой идеи, суть которой — идеальное убийство?» — спрашивал себя Даниэль.

Он медленно отодвинул свой стул. Столь же медленно встал, глядя на Дюпона, сидящего на ручке кресла, словно на птицу, которую не хотел испугнуть.

— Но при этом вы кое-что забыли, — сказал Даниэль.

Не сомневаясь более в том, что ему грозит опасность, Даниэль вернул себе хладнокровие. Его мозг лихорадочно работал и порождает обрывки идей, еще не сложившихся в разумный план.

Действительно ли в его портфеле оружие? Убил ли он уже кого-нибудь? Пистолет с глушителем, он сам это сказал. Нетактичным и неестественным поведением можно вызвать у сумасшедшего недоверчивость. Глушитель довольно велик. Черный портфель, который посетитель не выпускал из рук, имел в середине по всей длине видимую выпуклость, по размерам соответствующую глушителю. Пистолет с глушителем? Да, очень похоже.

— Ну, и что же я упустил, мсье Морэ?

В вежливом тоне посетителя Даниэль уловил скрытую неприязнь. Вероятно, он считает себя сверхчеловеком, гением преступлений... Важно выиграть время... Если он уже совершил другие преступления, которые остались нераскрытыми, то это могло привести к своего рода мании величия... Прежде всего я должен выиграть время... Я должен что-то придумать...

— Позвольте задать вам встречный вопрос, — сказал Даниэль. — Что вы будете делать, прежде чем уйдете из квартиры?

— Если речь идет об отпечатках пальцев, то я могу только заметить, что мне не нужно их стирать. Я ни до чего не дотрагивался.

Даниэль обошел вокруг стола. Его взгляд был прикован к черному портфелю. Дюпон нервно играл с его замком.

— Итак, ваша точка зрения не изменилась? — спросил Дюпон.

Даниэль заметил, как в серо-голубых глазах вспыхнули угрожающие искорки.

— Что вы хотите этим сказать? — сказал он, подойдя еще ближе.

— Вы все еще утверждаете, что убийца — глупец?

— Я считаю... — тихо сказал Даниэль и в тот же момент стремительно наклонился и выхватил у него из рук портфель. Маленький мужчина озадаченно посмотрел на него. Дрожащими руками Даниэль открыл портфель. Среди разных бумаг он нащупал длинный, круглый предмет. Он так быстро выхватил его из портфеля, что некоторые бумаги вылетели вместе с ним и разлетелись по

ковру. Даниэль с недоумением смотрел на мужской зонтик, оказавшийся в его руке. Дюпон разразился громким смехом. Он долго не мог успокоиться, держась за бока.

— Извините! — воскликнул он, задыхаясь и снимая очки. — Но это так смешно! Вы подумали, что я... Нет, это действительно страшно смешно!

Даниэль был крайне смущен и покраснел.

— Прошу прощения, — пробормотал он.

Он был настолько обескуражен, что не мог собраться с мыслями, и чем больше думал о том, что произошло, тем больше стеснялся. Потом он стал собирать рассыпавшиеся бумаги.

— Я вижу, что нагнал на вас основательно страху, — сказал Дюпон.

Даниэль молча сложил собранные бумаги и зонтик в портфель.

— Если вы хотели добиться этого, то вам удалось.

Вероятно, самым благоразумным было сказать правду. Все же не удивительно было, что он отреагировал именно таким образом. Это все было объяснимо.

— Вы должны признать, что сами постарались ввести меня в заблуждение, — наконец, выпрямившись, ответил он.

— Во всяком случае, я ничего не сделал, чтобы развеять его. Считая, что ваши опасения возникли в результате так называемого профессионального заболевания, я тем охотнее подыгрывал вам. Вы склонны всем окружающим приписывать намерения ваших героев.

— Совершенно верно, и вы только что явились свидетелем этого. Ваш эксперимент это подтвердил.

— Я, конечно, не предполагал, что эксперимент может зайти так далеко, — сказал Дюпон.

Даниэль хотел было что-то возразить, но передумал, решив, что не имеет смысла продолжать дискуссию. Ему не хотелось быть подопытным кроликом, и у него было единственное желание: поскорее избавиться от своего гостя.

Он демонстративно посмотрел на часы.

— Уже три часа! — воскликнул Дюпон, последовав его примеру. — Действительно, я не смею вас больше задерживать.

Так как Даниэль не протестовал, посетителю не оставалось ничего другого, как надеть шляпу и взять портфель.

— Прошу извинить за... за недоразумение, — сказал он.

— Пустяки, — ответил Даниэль, вышел с ним в переднюю и открыл входную дверь.

— До свидания, мсье Дюпон.

Его гость поклонился и вышел на площадку лестничной клетки.

— До свидания, мсье Морэ.

Высокая старомодная шляпа с широкими полями, в которой он казался еще меньше, прикрывала теперь его лысину.

— Это доставило мне удовольствие.

— Так же, как и мне, — механически ответил Даниэль и так же механически пожал бескровную руку своего гостя.

Затем с огромным облегчением он запер дверь. У него было такое чувство, словно удалось избежать реальной опасности.

«Возможно, — сам себе сказал он, — я просто чувствую облегчение, ибо свидетеля своего срама больше никогда не увижу».

Взгляд упал на бутылку виски, и он налил себе бокал. Вначале курение и виски были для него лишь позерством, но со временем стали насущной потребностью.

Не поморщившись, он выпил крепкое виски и пробормотал про себя:

«Самовнушение и бессмыслица».

Вывод, сделанный Дюпоном, определенно не подтверждался, да и многие пункты были спорными. Например, тот факт, что телефон был заблокирован...

Чтобы убедиться, он снял трубку. Но и теперь не было слышно гудка. Он хотел было ее положить, как вдруг отчетливо услышал в ней мелодичный бой часов с колокольчиками, пробивший три раза. Значит, на другом конце линии находились часы, отстававшие на четверть часа. После разговора с Даниэлем трубка не была возвращена на место, чтобы заблокировать его телефон. Конечно, это дело рук Дюпона, кого же еще?

Если это предположение было верным, а другая возможность представлялась невыносимой, то, значит, розыгрыш был запланирован заранее. Криминалист не импровизировал, а действовал по заранее намеченному плану. Отсюда ясно, почему он так хорошо осведомлен о расположении его квартиры, о Валери и его отношениях с ней.

Но почему он составил этот план? К чему все эти бессмысленные действия? У него должна быть причина для этого. Может, он хотел припугнуть его? С какой стороны ни рассматривай этот вопрос, он порождает лишь новые. Вероятно, Дюпон — сумасшедший, или же он действительно руководствовался скрытыми мотивами.

Во всяком случае, он был незаурядной личностью. После третьего бокала виски Даниэль нашел его даже интересным. И пусть эта авантюра не будет иметь продолжения, все равно она наводит на размышления.

Но было ли это сделано с целью пробудить фантазию писателя? Пожалуй, он опишет это странное происшествие и использует его, как начало интересной книги.

Через пять минут Даниэль сел за свою пишущую машинку и включил ее. Тихое гудение мотора действовало успокаивающе.

На этот раз ему не пришлось долго раздумывать. Он отлично знал, что должен писать. Фразы складывались сами собой, когда пальцы бегали по клавишам. Он не курил и приостанавливал работу только для того, чтобы вставить новый лист бумаги. Время еще никогда не летело так быстро.

Вдруг зазвонил телефон. Даниэль с досадой прекратил работу.

Кто бы это мог быть? Телефон все еще был неисправен.

— Хелло, мсье Морэ?

Этот низкий маслянистый голос он узнал бы из тысячи.

— С вами говорит Дюпон. Оноре Дюпон.

— Вы наконец-то положили трубку?

— Я вас ненадолго задержу, — ответил Дюпон.

— Все же это вы блокировали мой аппарат, не так ли?

— Я буду краток, — продолжал Дюпон, не обращая внимания на вопрос.

— Отвечайте, да или нет? — сердито настаивал Даниэль.

— Дайте же мне сказать.

Даниэль с трудом успокоился.

— Говорите.

— Мсье Морэ, когда я был у вас, я совсем позабыл о цели моего визита.

— Это, конечно, очень приятно узнать.

— Я хотел сказать вам, что ваше утверждение неверно.

— Эта мысль не дошла до меня, — иронически сказал Даниэль.

Дюпон принял замечание за чистую монету.

— Вот как?! А вскоре я вам это докажу!

Наступило молчание, и Даниэль подумал, что Дюпон повесил трубку.

— Хелло, — сказал он, — и что же вы докажете?

— Докажу, что все-таки существует интеллигентный убийца.

Последовал короткий смешок, и, прежде чем Даниэль успел что-либо сказать, их разъединили. На этот раз Дюпон действительно положил трубку.

* * *

Ресторан мало-помалу пустел. Разноцветный попугай, в честь которого и было названо это заведение, был главной его достопримечательностью. Он сидел, покачиваясь на перекладине, и глубокомысленно смотрел на посетителей. Казалось, он не считал нужным тратить свой запас слов на столь малое количество слушателей.

Валери уже изобразила на меню карандашом попугая, превратив его в высокомерную вдову, а затем в гусара. Сейчас она отложила в сторону карандаш и вплотную занялась второй порцией

десерта, этой поэмой из шоколадного теста и ванильного крема. Она могла поглощать удивительное количество сладостей, не прибавляя ни грамма в весе.

Вдруг она посмотрела на его тарелку и спросила:

— Что с тобой? С работой не ладится?

— Да нет, — ответил Даниэль.

В этот момент мадам Эмма принесла кофе, и он воздержался от дальнейших объяснений. Во время еды он был абсолютно молчалив.

Но почему бы ему, собственно, не рассказать о Дюпоне? Из-за того, что он не хотел говорить с Валери о неприятностях? Или вследствие бессознательной недоверчивости, ибо она тоже фигурировала в этом деле?

С первого блюда до десерта его настроение существенно ухудшилось.

Валери снова перешла в наступление.

— У тебя неприятности?

Он поднес ко рту горячий кофе. Сделав глоток, воскликнул:

— Дюпон! Дюпон!

Валери подхватила пальцем каплю ванильного крема, стекавшего по ложке. Так как Даниэль больше ничего не говорил, она спросила:

— Ну и что? Что такое с этим Дюпоном?

— Тебе это имя ничего не говорит?

— Ничего. А кто это?

— Очень забавный парень. Он посетил меня сегодня во второй половине дня. О себе он сказал, что якобы криминалист и проводит исследования в ЦНИИ.

Даниэль раскурил трубку и испытующе посмотрел на Валери. Не отрываясь от десерта, она спросила, скорее из вежливости, чем из любопытства:

— И что же он хотел?

— Он хотел побеседовать со мной по поводу интервью в «Криминалистике».

— Смотри, ты становишься видным авторитетом, — сказала она.

— Итак, послушай, это началось с телефонного звонка...

Начав рассказывать, Даниэль уже не мог остановиться. Когда он описывал визит Дюпона, ему стало казаться, что события носили не угрожающий характер, а скорее комический. Слушая его, Валери развеселилась. Когда же он сообщил ей о зонтике в портфеле, она громко расхохоталась.

— Это ты намеренно сделал, да? — спросила она.

— Нет.

— Но ты же заметил, что он немного «не в себе».

Она постучала указательным пальцем по лбу.

— Вот именно, — ответил он. — Сумасшедшие на все способны.

Серьезный тон Даниэля удивил ее. На лице Валери появилось недоумение.

— Но, Даки, ты не станешь ведь утверждать, что испугался?

— Представь себе. Ты бы тоже испугалась на моем месте.

— Я бы просто выпроводила его.

— Под каким предлогом? Он же ничего не сделал. Только представь, как бы я мог...

Он заметил, что не убедил ее. Сидя вдвоем в уютном ресторане, после хорошего ужина, было просто невозможно воссоздать зловещую ситуацию.

— Но было еще кое-что другое...

Даниэль еще не упомянул, что Дюпон говорил о Валери.

— Он также знает тебя, знает, что мы подружились.

— От кого?

— Он живет в доме номер пятьдесят семь по улице Гей-Люссака.

— В моем доме?

— Во всяком случае, он так утверждает.

— Ну, это легко проверить.

Валери отправила в рот последнюю ложку десерта и вытерла губы.

— Кроме того, мне совершенно безразлично, что он знает и чего не знает. Ведь я свободный человек.

— Совсем свободный?

Она невольно покраснела и вполголоса ответила:

— В противном случае, разве стала бы я с тобой жить?

— Не сердись. Я сказал, не подумав.

Даниэль сожалел, что затронул ее больное место. Он не ревновал Валери. Они скорее были хорошими товарищами, чем страстными любовниками. При хорошем взаимопонимании они еще и нравились друг другу физически. Встречались два-три раза в неделю и остальное время не страдали от пылкой страсти.

— Я не знаю, что наговорил тебе этот парень, — сказала Валери, — но если ты меня хочешь в чем-либо упрекнуть, тогда выкладывай.

— Нет, и к тому же он много о тебе не говорил. Извини, пожалуйста, но я как-то обеспокоен.

— В отношении меня?

— В отношении всего и тебя тоже. Что, собственно, ему было нужно? Какие у него намерения?

— Во всяком случае, ему хотелось заморочить тебе голову, и это ему удалось.

— Да, но зачем?

На этот вопрос он все еще не мог ответить. Но теперь дальнейшие опасения были связаны с замечанием Дюпона, прозвучавшим как угроза: он хотел доказать, что все же существует интеллигентный убийца. Но как он собирается это доказать? Если Дюпон и в самом деле сумасшедший, то следует опасаться худшего.

— Во всяком случае, я прошу тебя некоторое время быть осторожной, — сказал Даниэль.

Валери рисовала четвертого попугая с физиономией гангстера возле уже нарисованных трех попугаев.

— Будет сделано, — ответила она. — Каждый вечер я буду смотреть под кровать, прежде чем лечь спать. А ты не имеешь ничего против того, чтобы заказать мне еще один торт с засахаренными фиалками?

Он терпеливо курил вторую трубку, пока Валери давала волю своему аппетиту и грациозно поглощала заказанный торт. Они были последними посетителями. Попугай заснул на своей перекладине. С обычной любезностью мадам Эмма подала счет. Они заметили, что она делала это не спеша и не выказывая нетерпения. В другом углу официант уже ставил перевернутые стулья на столики.

Они покинули ресторан. Был теплый субботний вечер, и на площади Пигаль кипела жизнь. Они подошли к открытой спортивной машине Даниэля. У него была слабость к скоростным машинам, и он любил свой «Триумф», элегантные формы которого располагали к быстрой езде.

— Ты хочешь еще куда-нибудь зайти? — спросил Даниэль.

Валери слегка повисла на его руке.

— Мне хочется домой.

Они сели в машину и направились к улице Гей-Люссака. Даниэль был поглощен размышлениями. Он безмолвно вел машину и, казалось, не чувствовал мягкой руки Валери, гладившей его затылок.

Когда подъехали к дому Валери, он выключил мотор, и она посоветовала ему:

— Если тебя так занимает этот Дюпон, то посмотри список жильцов, он висит на двери у консьержки.

Даниэль вынул ключ зажигания и последовал за ней в дом. На двери комнаты консьержки висел лист бумаги примерно с двадцатью фамилиями. Он был прикреплен изнутри к дверному стеклу. Фамилии Дюпон там не было.

— Это полный список? — спросил Даниэль. Валери посмотрела еще раз.

— Да, здесь записаны все квартиранты. Твой Дюпон здесь не живет.

— Или назвался вымышленным именем?

— Возможно, он у кого-то снимает комнату или живет у своего друга. Я спрошу завтра у консьержки.

— Позвони мне тогда, пожалуйста.

Даниэль поцеловал Валери в щеку.

— Я хочу еще поработать. Спокойной ночи. И будь, на всякий случай, осторожна.

Она придержала его за палец.

— Кстати, об осторожности...

Она бросила на него долгий взгляд из-под длинных ресниц.

— Может быть, неосторожно с твоей стороны оставлять меня на ночь одну?

Она, выпрямившись, стояла перед ним. Под облегающим платьем он без труда представлял все контуры ее тела, которое еще долго не утратит своей привлекательности. Желание, как пламя, охватило его.

— Да, ты права, — сказал он и увлек ее к лестнице. — Я чувствую насущную потребность охранять тебя сегодня ночью.

* * *

Доедая седьмой сухарик с маслом и запивая его чаем, Валери взглянула на часы.

— Ах, как хорошо, что тебе не надо идти на работу.

На ней был строгий серый костюм, отделанный кружевным жабо. Глядя на ее свежий цвет лица и сияющий вид, можно было подумать, что она проспала двенадцать часов подряд. Даниэль зевнул и потянулся. Он был еще в пижаме.

— Не забудь спросить консьержку, — напомнил он.

— О твоём Дюпоне? Да, я сойду вниз и спрошу ее.

Она взяла со стола чемоданчик, который брала вместо сумочки на работу.

— Я позвоню тебе, как только приду в контору. Сюда или к тебе домой?

— Лучше сюда. Пока я соберусь...

Когда Валери ушла, Даниэль набил трубку и устроился на широкой кушетке, стоявшей в углу комнаты. Валери жила в однокомнатной квартире, обставленной в соответствии с ее собственным вкусом. Там находились только необходимые предметы мебели, но зато и много маленьких столиков, дорожек, подушек для сидения и пуфиков. В ее квартире нужно было жить более или менее на полу. На белых стенах были прикреплены разноцветные плакаты. И повсюду можно было видеть рисунки тушью, гравюры, эскизы. Они висели на занавесках, стояли на сиденьях или крепились на двери, но несмотря на это, все было расположено с большим вкусом.

Даниэль курил трубку и думал о машинописном тексте, ожидавшем его дома. Появится ли в будущем материал для продолжения? Расследование о Дюпоне было, во всяком случае, очень кстати. Даниэль знал, что обретет душевное равновесие лишь тогда, когда его странный гость будет выслежен, а его тайна разоблачена.

Он снова вспомнил о Морисе Лателе, неисчерпаемом источнике информации. Даниэль полулежал на кушетке, и телефон был у него под рукой.

— Добрый день, приятель, как дела? Послушай, у меня к тебе просьба.

Морис был готов исполнить любое желание своего друга и не удивился, когда Даниэль без предисловий перешел к делу.

— Я весь внимание, — сказал он.

— Ты случайно не знаешь кого-нибудь из ЦНИИ?

— Из ЦНИИ? Так сразу я не могу сообразить.

— Я хотел бы знать, занимается ли там научной работой некий Дюпон... Оноре Дюпон, по профессии — криминалист.

— Ты меня удивляешь.

— Почему?

— Потому, что они не имеют дела с криминалистами.

— Ты в этом уверен?

— Конечно.

Если Морис так сказал, значит, с этим все ясно. Даниэль поблагодарил его и откинулся на подушки. Подняв глаза к потолку, он стал наблюдать, как разноцветные бумажные рыбы, подвешенные на нитках, плавно двигаются в воздухе. Они были похожи на маленькие зеленые и синие языки пламени. Вдруг зеленая рыба с раскрытой пастью бросилась на него с диким сопением. Даниэль в ужасе проснулся. Звонил телефон.

— Хелло! — кричала Валери. — Почему ты так долго не подходил? Ты был в душе?

— Да нет...

Он был совсем сонный и с трудом открыл глаза.

— Ты спрашивала старуху?

— Да. Она уверяет, что во всем доме нет Дюпона.

Итак, он дал не только фальшивую профессию, но и фальшивый адрес. Следовательно, все было систематически подстроено ложью.

— До свидания, мое сокровище, целую тебя, — закончил он разговор.

Положив трубку, Даниэль пошел в ванную. Кроме электробритвы и зубной щетки, у него тут было и чистое белье. Когда он полностью оделся, ему захотелось домой, но он не хотел оставлять комнату неубранной. Сложив постель, он заметил между стеной и кушеткой желтый со спиральями альбом с рисунками Валери. К счастью, сегодня он не был ей нужен. Даниэль перелистал его. Валери была действительно талантлива: немногочисленными штрихами ей удавалось передавать выражение лиц людей. И вдруг Даниэль так испугался, словно альбом эскизов прыгнул ему в лицо. Среди множества рисунков его взгляд магически приковался к одному.

Да, Валери и в самом деле была очень талантлива. Большой лысый череп, очки и оттопыренные уши... Это был вылитый Оноре Дюпон.

* * *

По подоконнику большого окна взад и вперед прогуливались голуби. Полными достоинства взглядами они окидывали жильца, сидевшего за пишущей машинкой.

Даниэль на минуту отвлекся и сделал ошибку. Он исправил ее и продолжал работать. Теперь он описывал события последних часов и приступал к выводам своих последних открытий.

Дюпон солгал ему не менее трех раз:

1. Причину своего визита он несомненно скрыл.
2. Он не проводит никаких исследований в ЦНИИ.
3. Он не живет в том же доме, что и Валери.

Кроме того, в ее альбоме с эскизами имеется его портрет.

Теперь Даниэлю остается только спросить Валери: при каких обстоятельствах она нарисовала Дюпона? А на это он еще не мог решиться.

Если между ними все же существует какая-то связь, то почему она не сказала об этом?

В таком случае за Дюпоном будет еще и четвертая ложь.

Мысли Даниэля следовали дальше: в любом случае Дюпон особо интересовался Валери, и не так, как он утверждал. Если бы только он знал ее, а она его — нет, она не нарисовала бы его портрет. Конечно, Даниэль не должен ее винить, так как у нее была привычка рисовать каждого, кто ей встречался: пассажиров автобусов, посетителей кафе, попугая в ресторане. Но с другой стороны, нельзя же поверить, что ее встреча с Дюпоном была случайной. Даниэлем овладело смутное предчувствие, что его втянули в какую-то интригу, автора и цели которой он не знал. При этом вся авантюра, если отбросить ее пагубное психологическое воздействие, была только смешной и нелепой. Во всяком случае, Валери не приняла ее всерьез. Даниэль еще раз перечитал написанное. Он оказался в удивительной роли героя своего собственного романа, героя, поступки которого от него, автора, не зависели. Он уже не мог рассматривать поступки с точки зрения постороннего человека. Так же и посторонний наблюдатель мог бы почувствовать страх, который вызывался скорее инстинктивно, чем на основании точных фактов. Удалось ли ему написать так, чтобы читатель смог разделить эти чувства? Вдруг у него мелькнула мысль, и он заправил в машинку чистый лист.

«Дорогой Морис!

Мое интервью в 'Криминалистике' поставило меня в положение, о котором я хотел бы узнать твое мнение. В прилагаемой рукописи я все честно изложил.

Честно говоря, я как-то необдуманно принялся за этот роман. Намерения персонажей, их мотивы и их взаимоотношения мне самому не совсем ясны, и я зашел в тупик. Но мне кажется, что тема довольно занятная, только я не уверен, правильно ли я за нее взялся. Не сможешь ли ты просветить меня на этот счет?

Ты знаешь, как я ценю твое мнение, может быть, на этих днях нам удастся вместе поужинать?»

Даниэль решил использовать впоследствии это письмо, как начало своего романа, но сперва он хотел узнать мнение Мориса об этом странном случае.

ГЛАВА 2

...Использовать это письмо, как начало своего романа. Но сперва он хотел узнать мнение Мориса об этом странном случае.

Морис Латель перевернул последнюю страницу рукописи, занимавшей почти тридцать листов. Он сразу узнал безукоризненный шрифт «Смит–Короны».

Сначала чтение его развеселило, но затем он все больше и больше удивлялся содержанию рукописи. Текст был весьма оригинален, так как автор участвовал в событиях как главное действующее лицо и писал о себе, как о постороннем, в третьем, лице.

— Сумасшедший парень этот Даниэль, — вслух проговорил он и стукнул кулаком по столу.

Милорд, спавший в кресле, со скучающим видом открыл глаза.

— Хотел бы я знать, действительно ли он не знает, что дальше писать в своем романе, или просто мистифицирует меня?

Милорд тихо мяукнул и снова закрыл глаза.

— Видно, это не произвело на тебя сильного впечатления, — сказал Морис.

Он имел обыкновение делиться со своим четвероногим другом нерешенными проблемами. Таким образом ему часто удавалось найти правильное решение, к которому простое размышление не приводило.

Морис был высокого роста, и у него была приятная внешность. Когда он не был зол, то походил на Милорда с его бархатистыми лапками, но когда бывало нужно, мог показать и когти. Он подошел к коту и погладил его пушистую шерстку.

— Если он действительно попал в тяжелое положение, мы должны ему помочь, не правда ли? Так?

Ответ на этот вопрос было не так просто отыскать.

— Нужно все же найти решение, начнем сначала.

Он заметил, что Милорд снова задремал.

— Ну, я вижу, тебя это не интересует.

Лателю было сорок два года, и он очень любил своего кота и свою профессию. На втором месте стояла его квартира. Она была обставлена с утонченным вкусом: многочисленные гобелены и ковры приглушали все звуки. Но, естественно, превыше всего для него была Изабель. Она была частицей его «Я», неразрывно связанной с ним, как сердце или мозг.

Войдя к ней в комнату, он нашел ее стоящей перед зеркалом. Она приветствовала его словами:

— Доброе утро, любимый кузен.

Он подошел к ней и низко поклонился.

Изабель продолжала:

— Я заметила, что вы были озабочены, когда сегодня утром расстались со мной. Вы взяли меня за руку, теперь я прошу вас дать мне вашу. Я отказывалась поцеловать вас, теперь же я вас поцелую.

С непринужденной грацией она подошла к нему и чмокнула в щеку, затем взяла его об руку и, подведя к софе, продолжала:

— Вы сказали мне, дорогой друг, что очень хотели поговорить со мной о дружбе. Сядем и немного поболтаем.

Изабель вот уже восьмой день репетировала сцену из пьесы «С любовью не шутят», и Морис с неохотой вошел в роль Пердикана, неумело продекламировав:

— Я спал... или я сплю сейчас?

— Нет! — запротестовала Изабель. — Не так, ты все испортил!

— Надеюсь, твой Пердикан сможет сыграть лучше, — сказал Морис.

— К счастью, да. Его играет Жан-Люк. Ты же знаешь его. Он недавно репетировал здесь.

Изабель мечтала стать второй Сарой Бернар. Взяв роль из пьесы, она как бы жила другой жизнью. В ее театральной студии ошивались бесчисленные Жан-Люки, и все они были уверены, что стоят на пути к мировой славе.

— Сегодня вечером у нас репетиция, — продолжала она. — Второй акт из пятой сцены. Я безумно волнуюсь перед выступлением.

Морис заметил это по ее оживлению и блеску в глазах.

— Это признак таланта, — сказал он.

— Хорошо, если бы так.

Изабель вздохнула. Ей было девятнадцать лет, и у нее была прекрасная девичья фигура. В пуловере и длинных брюках она стояла босиком на ковре и курила сигарету, не теряя от всего этого женственности и свежести.

У нее были белокурые волосы, собранные в виде конского хвоста. Над небольшим вздернутым носиком сверкали голубые глаза, а когда она улыбалась, на ее округлых детских щеках появлялись две ямочки.

Морис задумчиво смотрел на нее. Он был очарован ее видом и взволнован нахлынувшими воспоминаниями. Изабель была очень похожа на свою мать. Она унаследовала от нее внешность и изящество, темперамент, артистические способности и ту прирожденную грацию, которой невозможно научиться.

Изабель — это все, что осталось у Мориса от счастливого брака, который смерть разрушила так рано.

— Извини, что я тебе помешал, — сказал Морис, — но я ищу последний номер «Криминалистики», который я дал тебе.

Она указала на битком набитые книжные полки.

— Он должен быть где-то там.

— Ты читала интервью с Даниэлем?

— Нет, еще не читала.

Настроение у нее испортилось, так как отец обратил мало внимания на ее сценическое искусство. Она сказала ему об этом.

— Не сердись, сокровище мое, но Даниэль прислал мне начало нового романа, большую роль в котором играет это интервью. Его история — поразительная смесь вымысла и правды. В ней говорится, например, также и обо мне.

— И обо мне тоже?

Морис улыбнулся:

— Нет, тебя он позабыл.

— Это не слишком мило с его стороны, — совершенно серьезно проговорила девушка.

— Ты сердишься?

— Нет, но если он о тебе упомянул, то мог бы написать и обо мне, о моих планах и целях.

— Смотри-ка, да ты уже думаешь о рекламе!

— Почему бы и нет?

— А если его роман будет экранизирован?..

— Это он сделает и продаст, как все другие...

— Прежде он должен написать его.

— И если потом будут снимать фильм, то, возможно, у него найдется роль и для меня. У него такие большие связи, что он и в самом деле может сделать кое-что для меня.

С этого момента беседа пошла по руслу, которое Морис совсем не мог оценить. Изабель продолжала развивать ту же тему. Она не видела препятствий к тому, чтобы Даниэль помог ей сниматься в фильмах.

— Он же утверждает, что он твой друг, — сказала она.

— Так считает не только он, но и я.

Она пожала плечами.

— Я вовсе не претендую на главную роль. Для начала я была бы рада второстепенной.

— А как быть с театральной школой?

— Ах, эта театральная школа! Мне еще так долго учиться в ней, а вот если я снимусь в фильме...

Желание дочери как можно скорее сделать карьеру огорчило Мориса.

— Почему ты так спешишь? — спросил он.

— Как же не спешить, папа? Мы живем в эпоху больших скоростей. Теперь все спешат. Ты, конечно, принадлежишь к старой школе.

— Скажешь тоже. Я что же, по-твоему, — дряхлый старик?

— Ты самый молодой отец во всем мире, — возразила она и поцеловала его. — Самый молодой и самый лучший!

У него от сердца отлегло, однако почувствовать себя полностью счастливым мешала нечистая совесть. Ведь по его просьбе Даниэль может и отказаться протезировать Изабель. Кто же прав? Изабель со своими желаниями, своим честолюбием и молодостью, или он, озабоченный отец, не желающий, чтобы его дитя заблудилось в дремучем лесу кинематографа? Но, может быть, со временем дитя и не будет съедено волком?

В прихожей раздался телефонный звонок, и Изабель вскочила.

— Это Жан-Люк! — крикнула она и выскочила из комнаты.

Морис задумчиво покачал головой и опустил на пол около книжных полок. Вытаскивая журналы, он все время думал о планах своей дочери. В один прекрасный момент она перейдет на свои хлеба и покинет его. Тогда квартира станет ужасно пустой.

«И тогда я останусь один», — с тяжелым сердцем думал Морис. Почувствовав прикосновение к своей ноге, он опустил глаза и увидел Милорда, который терся о его ноги. Он смотрел на своего хозяина таким взглядом, словно хотел сказать: «У тебя еще останусь я».

— Да, мой малыш, — сказал Морис. — Мы оба старики и скоро останемся одни.

— Папа!

Он вздрогнул от оклика.

Поднявшись, он испугался бледности дочери и невольно оттолкнул Милорда в сторону.

— Что случилось? — спросил он.

— Позвонили... Даниэль...

Она запнулась, потом воскликнула, полная ужаса:

— Он умер!

— Что ты сказала?

— Мне только что сообщили!

Он непонимающе смотрел на дочь.

— Но это правда, папа.

— А как это произошло? Каким образом?

— Я не знаю.

Она прислонилась к дверному косяку. Свой ужас она поборола, но все еще была бледна.

— Ты должен подойти к телефону.

Морис поспешил к двери, но по дороге остановился и спросил:

— Кто звонит?

— Какой-то мужчина.

Морис стоял, как застывший, и безотчетно бормотал про себя:

— Этого не может быть! Он не мог умереть!

— Иди же скорей, — настаивала Изабель, — ты сам убедишься, что это правда.

Она увлекла его из кабинета, но сама встала в некотором отдалении от телефона, как будто он вызывал у нее страх.

Морис взял трубку.

— Хэлло!

— Ну, наконец-то! — отозвался мужской голос таким тоном, который Морису сразу же не понравился. — Вы мсье Латель?

— Да, дочь сказала мне, что...

— Один момент, — невежливо прервал его звонивший. — Вы знали Даниэля Морэ?

— Да, он мой друг.

— Очень хорошо!

Первое впечатление Мориса усилилось. Недружелюбный голос, напоминавший злобный лай, ему совершенно не понравился.

— Кто вы, собственно говоря? — спросил Морис.

— Комиссар Фушероль из криминальной полиции.

Звонивший с такой гордостью произнес эти слова, будто это был громкий титул, дающий права на многие привилегии.

— Даниэль Морэ убит, — продолжал Фушероль. — Я нахожусь сейчас в его квартире и хотел бы как можно скорее встретиться и поговорить с вами.

После долгой паузы, показавшейся ему вечностью, Морис процедил сквозь зубы:

— Хорошо, я сейчас приеду, — и повесил трубку.

Видимо, он повторил слова комиссара вслух, ибо Изабель, стоявшая неподвижно, спросила:

— Убит? Кем же? Почему?

— Я не знаю.

Морис с трудом поднялся.

— Я должен ехать.

— А меня оставишь здесь? Совсем одну?

Изабель чувствовала страх перед тайной смерти, с которой она встретилась впервые. Когда умерла ее мать, она была слишком мала и не поняла того, что произошло.

— Позвони подруге, чтобы она составила тебе компанию. Или Жан-Люку, — сказал Морис.

— Попробую. Не знаю, застану ли я его.

Пока она звонила, Морис пошел в спальню переодеться. Милорд следовал за ним. Когда он был готов и вышел в переднюю, Изабель уже ожидала его. Она надела серую замшевую куртку.

— Я тоже ухожу, — сказала она. — Жан-Люк ждет меня в кафе. Мы вместе там и перекусим.

Они быстро сошли по лестнице. С каштана в саду облетали коричневые листья. Пестрой мозаикой они покрывали газоны. Трава была засохшей. Тусклые солнечные лучи пронзали старые лозы Монмартра, освещая маленький зеленый островок, который каким-то чудом не пал жертвой прогресса.

Изабель схватила отца за руку:

— Не могу понять, как это случилось.

Тот пожал плечами. Ему это тоже было непонятно.

— И почему он счел нужным позвонить именно тебе?

— Потому что я был его другом.

Они вышли на улицу Кошуа.

— Хочешь, я подвезу тебя? — спросил Морис.

— Нет, спасибо, лучше я пройду пешком.

Она пошла в сторону улицы Лепик. Морис посмотрел ей вслед, открыл дверцу машины и сел в мягкое водительское кресло. Он любил удобные машины, старые дома, полные углов и закоулков, и больше всего — живописный квартал холма, с которым было связано так много воспоминаний... Даниэль, тот любил спортивные автомобили и новомодные здания. Нет, теперь Даниэль уже ничего не любит.

Морис тронулся с места. Он свернул сначала на улицу Жозефа Местра, затем на улицу Коленкура. У его ног лежало старое Монмартрское кладбище с живописным беспорядком

могильных памятников, как тихий остров среди водоворота жизни. Где будет похоронен Даниэль?

Внезапно Морис очутился в потоке интенсивного движения на площади Клиши. Он механически управлял машиной, но мысли его витали далеко.

Он, как и Даниэль, «убил» так много людей на страницах своих криминальных романов, что понятие «убийство» не вызывало в нем страха. Однако теперь это слово обрело свое настоящее ужасающее значение. Убийство!

ГЛАВА 3

Многоэтажный дом с белым фасадом был похож на продолговатый кусок сахара. Он был почти в три раза выше своего соседа. Морис Латель взглянул на четырнадцатый этаж. Там человек расстался с жизнью. Больше ему не придется сесть за руль своей голубой спортивной машины, которая стоит у соседней бензозаправочной станции в ожидании своего владельца.

Быстрым шагом Морис пересек холл и минутой позже поднялся на лифте на четырнадцатый этаж, где стояли на посту двое полицейских. Морис назвал свое имя.

— Меня пригласил комиссар Фушероль.

Один из полицейских вошел в квартиру, из которой доносились шаги и приглушенные голоса. Его коллега зевал и чесал затылок. Морис был не в состоянии мыслить ясно. Его сердце сильно колотилось.

Дверь открылась, и вышел человек с большим фотоаппаратом в руке. Другой следовал за ним с врачом в чемоданчиком. Затем вновь появился полицейский.

— Пожалуйста, входите, — сказал он.

Морис взял шляпу в руку и медленными шагами вошел в квартиру. Там двое санитаров держали носилки. Они были покрыты покрывалом, под которым обрисовывались контуры тела, высокий, толстый человек красным лицом вопросительно смотрел на Мориса.

— Латель, — сказал тот приглушенным голосом.

— Комиссар Фушероль.

Полицейские санитары поставили носилки, и комиссар откинул покрывало. Лицо Даниэля, казалось, было вылеплено из серой глины, а брови и ресницы словно приклеены для сходства с живым. Толстым указательным пальцем Фушероль указал на кровавую рану на шее.

— Убит выстрелом в затылок, как при расстреле.

Морис был вынужден опереться о спинку кресла. Он смотрел на застывший облик своего друга и тщетно искал признаки жизни в этой неподвижной маске. Он был уже подготовлен к подобному зрелищу, но тем не менее, взглянув на покойника, чуть не упал в обморок.

— Это действительно он? — спросил комиссар.

Морис не мог выговорить ни слова. Он только кивнул и собрал все силы, чтобы не потерять сознания. Комиссар накрыл тело покрывалом и приказал санитарам вынести его. Он заметил, что Латель побелел, как мел.

— Вы все же не упали в обморок? — сказал он. — Этого только не хватало. В ваших книжках можно найти горы трупов.

Это замечание и тон, каким оно было сделано, убедили Мориса в том, что Фушероль не только глуп, но и бесчувственен. Он таким и выглядел. Выражение его расплывшегося лица было надутым, а маленькие глазки над жирными щеками были холодными.

— Убитый был моим другом, — сказал Морис.

— Потому я и вызвал вас.

— Когда это произошло?

— Вчера днем. По мнению полицейского врача, более двенадцати часов тому назад. Сегодня, около восьми утра, сюда пришла уборщица и обнаружила его. У нее был ключ от квартиры, и, как только она вошла, так и увидела сюрприз.

Налево, возле письменного стола, на ковре были начертаны мелом контуры тела. «Покойника здесь уже нет», — успокаивал себя Морис.

— Давайте сядем, — предложил Фушероль.

Хотя предложение прозвучало как приказ, Морис ему охотно последовал. Его напряженные мышцы расслабились, железное кольцо, стискивающее грудь, немного ослабло. Толстый комиссар опустил в кресло.

— Я надеюсь, мсье Латель, вы сможете дать нам важную информацию о Даниэле Морэ. Мне известно, что он был автором криминальных романов, но больше я о нем ничего не знаю.

— Мне хотелось бы узнать, как все это произошло?

— Позже. У Морэ есть родственники?

— Старая мать. Мне кажется, она живет в Шатеру.

— Точно не знаете?

— Он редко говорил о ней.

— Даже об их отношениях?

— Кажется, они не очень хорошо понимали друг друга. Во всяком случае, у меня создалось такое впечатление.

— А как дело обстоит с женщинами?

— Он не был женат.

— Это еще ничего не значит.

— Он не был аскетом. Конечно, у него было несколько связей.

— Не серьезных? Без постоянных связей?

— Насколько мне известно, именно так.

— Вы можете назвать мне имена?

— К сожалению, не могу.

— И, конечно, вы не знаете, кто его мог убить?

Латель покачал головой. По мере того как комиссар получал эти отрицательные ответы, его красное лицо все больше темнело.

— Вы не знаете никого из его родных, даже не знаете ни одной его подруги. Ну, послушайте, Латель, мужчины обычно рассказывают о своих любовницах.

— Это зависит от человека. Даниэль был очень корректный, очень серьезный и скрытный.

— В самом деле?

— Он был моим другом.

— Так, значит, он был вашим другом! — вспыхнул Фушероль. — Я все же не дурак. Вы утверждаете, что он был вашим другом и, несмотря на это, ничего не рассказывал вам о том, что входило в сферу его любовных дел? Вы что, за идиота меня принимаете?

Морис предвидел эту вспышку и равнодушно пропустил ее мимо ушей. Он чувствовал, что гнев Фушероля был позой.

— Если вы не выложите всего, что вам известно, — продолжал Фушероль, — то это вам может дорого обойтись.

— Я бы очень хотел знать... — начал Латель.

— Здесь вопросы задаю я.

«Он говорит прямо как в книгах», — подумал Морис. Подобные фразы столь часто приводились в плохих криминальных романах, что Морис ни за что не написал бы подобного.

— Вы женаты?

Комиссар сопровождал свой вопрос недоверчивым взглядом. С печальным выражением лица Морис ответил:

— Моя жена умерла.

— Давно?

— Семь лет назад.

Изабель было двенадцать лет, когда после продолжительного заболевания скончалась ее мать. Только мысли о дочери поддерживали у Мориса интерес к жизни.

— Вы давно знакомы с Морэ?

— Примерно двенадцать лет, с тех пор, как наши книги стали издаваться в одном издательстве.

— Это издательство Фонтевро, на улице Мирамениль?

— Да, до этого...

Морис обернулся. Худощавый блондин держал блокнот и записывал ответы Мориса. Сейчас, прекратив свое занятие, он смотрел на комиссара, как собака, ожидая команды своего хозяина.

— Продолжайте, — сказал Фушероль. — До того, как Морэ начал издаваться у Фонтевро...

— ...Тогда он еще не был известным писателем. Несколько его криминальных романов было издано в провинции маленьким издательством. Имя издателя я могу вам назвать.

— Можете потом продиктовать Совину.

Молодой человек подхалимски улыбнулся.

— Сообщите ему также имена всех ваших общих знакомых, — продолжал комиссар.

— Здесь речь пойдет, главным образом, о коллегах. Нас прежде всего объединяла работа. В частной жизни у меня с Морэ не было ничего общего.

Фушероль оперся руками о подлокотники и встал.

— Когда вы виделись с Морэ в последний раз?

— Примерно две недели назад в издательстве. Мы немного побеседовали о разных делах.

— А с тех пор вы больше ничего о нем не слышали?

— Нет, как же, он звонил мне вчера утром.

Чуть помедлив, Морис добавил:

— Он хотел получить справку о ЦНИИ и криминалистике.

Почему он не упомянул имени Дюпона? Комиссар был вообще ему так несимпатичен, что у него не возникло никакого желания говорить больше необходимого.

— Криминалистика! — презрительно повторил комиссар. — Это для теоретиков, которые ничего другого не умеют делать. Мы, практики, не имеем времени на это. Мы должны думать, как справиться с делом без чьей-либо помощи. — Широким жестом он указал на комнату. — Убийца не обыскивал помещения, либо он ухитрился сделать это незаметно. Вы не знаете, имел ли Морэ привычку хранить дома крупные суммы денег?

— Я этого не думаю. За все, что он покупал, даже мелочи, он расплачивался чеками.

— Кого же вы считаете способным на это преступление? У кого мог быть мотив?

И Фушероль, как ему показалось, с едкой иронией проговорил:

— У вас, как специалиста, должна быть какая-то идея.

— Я писатель, а не криминалист. Кроме того, я лишь тогда могу составить мнение, когда ближе познакомлюсь с обстоятельствами дела.

— Дорогой мсье Латель, — неожиданно дружеским тоном проговорил комиссар, — к сожалению, наверняка мы ничего не знаем. Единственное, что нам известно, это тот факт, что ваш друг убит тремя пулями.

— Три?

— Две попали в грудь, а третья за ухо. Значит, дело было сделано не в состоянии аффекта. Убийца хладнокровно застрелил свою жертву. Все говорит о преднамеренном убийстве.

Движением подбородка Фушероль указал на завернутый в папиросную бумагу предмет, лежащий на столе.

— Единственная улика, которой мы располагаем, — это орудие убийства, — сказал он.

Совин поспешно развернул пакет.

— Не так быстро, — сказал ему комиссар.

Глядя на своего подчиненного, он продолжал:

— Убийца, видимо, умышленно оставил его около своей жертвы. Вероятно, он не хотел обременять себя им. Как видите, оно очень большое.

Совин осторожно развернул бумагу. Появился пистолет калибра 7,65 мм. К стволу была прикреплена стальная цилиндрическая насадка.

— Глушитель! — воскликнул Морис.

— Да, глушитель. Поэтому выстрел был не громче хлопка пробки из бутылки шампанского.

Морис вспомнил о рукописи своего друга, которую только что прочел. Он почти дословно помнил ее содержание.

«Даниэль поднес горящую спичку к только что набитой трубке и, глубоко затянувшись, спросил:

— Как вы будете убивать меня?

— При помощи пистолета, — ответил Дюпон, хлопнув рукой по портфелю. — Пистолетом, который лежит у меня в портфеле.

— А грохот выстрела?

— Пистолет, конечно, снабжен глушителем».

Даниэль написал эти строки, словно предчувствуя этот случай.

— Подобную вещь не так-то легко купить, — сказал комиссар, — и вряд ли убийца мог бы найти его здесь.

— Конечно. У Морэ не было огнестрельного оружия.

Теперь Морис вспомнил другое место в тексте:

«Даниэль еще раз перечитал написанное. Он оказался в удивительной роли героя своего собственного романа, героя, поступки которого от него, автора, не зависели».

Морис теперь чувствовал себя почти так же, но не совсем. Раздвоение его личности заключалось в том, что он был одновременно и действующим лицом, и читателем. Получилось так, будто по прихоти Даниэля он очутился в вымышленном мире и стал там персонажем трагической драмы, участвующим в событиях, которые вообще существовали только в воображении его друга.

ГЛАВА 4

Морис поспешил домой. Он хотел как можно скорее еще раз перечитать рукопись Даниэля, причем самым внимательным образом. Но после того как он еще раз прочел ее, путаница усилилась.

В свете последних событий текст приобрел совсем другое значение. Многие подробности, без сомнения, были не выдуманными, а реальными. Например, телефонный звонок Даниэля.

«Добрый день, приятель, как дела? Послушай, у меня к тебе просьба... Ты случайно не знаешь кого-нибудь из ЦНИИ?.. Я хотел бы знать, занимается ли там научной работой некий Дюпон... Оноре Дюпон, по профессии — криминалист?»

Хотел ли автор просто убедиться, нет ли случайно в ЦНИИ мужчины с такой фамилией, как и у его героя, во избежание последующих неприятностей? Во всяком случае, тогда именно это пришло в голову Мориса, но теперь...

— Вчера утром он мне звонил, сегодня утром я получил рукопись, и между прочим... Слушай хорошенько, Милорд.

Кот, точивший когти о ковер, застыл в позе сфинкса.

— Между прочим, Даниэль убит и притом из пистолета с глушителем. И именно это оружие предложил Оноре Дюпон, персонаж его романа. Ты считаешь, что это просто совпадение? Я не думаю. Даниэль тоже не верил в совпадения, как он сказал в своем тексте. И что же из этого вытекает? То, что существует очевидная связь между тем, что он написал, и преступлением, жертвой которого он пал.

Милорд сидел совершенно неподвижно и, видимо, с большим интересом следил за рассуждениями своего хозяина.

— А если Оноре Дюпон, его визит к Даниэлю, его угрозы и запугивания — не плод фантазии писателя, то почему бы и остальному не быть правдой?

Его возбуждение в связи с такой возможностью было настолько велико, что он на некоторое время забыл даже о своей печали. Потом он встал и закурил сигарету, что делал во время сильного умственного напряжения. Он прекратил свой монолог и даже перестал обращать внимание на Милорда. Недовольный кот подошел к двери, открыл ее когтями и удалился. Через открывшуюся дверь Морис услышал голос Изабель в роли Камиллы:

— ...и если священник, который меня благословит, наденет на меня золотой венок и соединит меня с моим прекрасным супругом, то он сможет укрыться, как плащом, моими волосами.

— Мне кажется, что ты разгневана, — ответил ей голос Жана-Люка-Пердикана.

Когда Морис вернулся домой, он застал обоих молодых людей за репетицией. Жан-Люк, симпатичный молодой человек двадцати четырех лет, изучающий медицину, мечтал о карьере артиста. Он был небольшого роста, худощавый и совсем не похож на романтического Пердикана. Но Изабель считала его просто «классным».

С беззаботностью молодости она за немногие часы вновь обрела свою жизнерадостность. Как только прошел шок, она стала думать только о своей роли и предстоящей репетиции.

Морис закрыл дверь и взял телефонный справочник. Под буквой «Ж» он действительно нашел Валери Жубелин, графика, проживающую в доме номер пятьдесят семь по улице Гей-Люссака. И поскольку эта Валери существовала, поскольку Даниэль почти дословно записал в рукописи телефонный разговор со своим другом, почему бы ему и в самом деле не звонить из квартиры Валери?

Морис все больше убеждался, что рукопись его друга является автобиографической. Но почему он избрал именно такую форму романа? Чтобы не выставить себя в смешном виде из-за необоснованных подозрений? Или же просто потому, что интрига показалась ему очень подходящим началом для романа? Морис и сам поступил бы так же.

На него нахлынули противоречивые чувства. Собственно говоря, он уже давно должен был передать рукопись комиссару Фушеролю. Он отчетливо представил себе этого полицейского, изрекающего с презрительной миной, что к такой сумасшедшей идее способен прийти только писатель.

Да, вероятно, нужно самому быть автором, чтобы понять, почему человек решил превратить в роман случившееся с ним самим происшествие. Какой гость, будь он безобидным человеком или убийцей, мог предугадать, что хозяин после его ухода в тот же час бросится к пишущей машинке? Это был непредвиденный поступок писателя, который в поисках темы воспользовался подвернувшимся случаем и, сам того не подозревая, превратил идеальное убийство в не идеальное.

Морис, помедлив, взялся за телефонную трубку. Он чувствовал настоятельную потребность проверить, насколько возможно, все данные, содержащиеся в рукописи.

Он набрал номер Валери. Пошли гудки, но никто не брал трубку. Он понимал, что сейчас еще только шесть часов вечера и она еще может находиться на работе, но все же его охватило беспокойство, которое он не мог заглушить.

Вошла Изабель.

— Мы уходим, папа, — заявила она. — Начало в семь, но сегодня я не могу опаздывать.

Заметив огорчение на лице отца, она добавила:

— Извини.

— Ну, зачем же извиняться?

Он заставил себя улыбнуться и положил руку ей на плечо. Она вышла к Жан-Люку, ожидавшему ее в прихожей. Морис снова подумал, что тот, со своей посредственной внешностью, не производит впечатления молодого любовника.

— Когда ты придешь? — спросил Морис.

— Вероятно, к девяти — половине десятого.

— Не беспокойтесь, мсье, — сказал Жан-Люк. — Я провожу ее домой. У меня машина...

У Жана-Люка была старая четырехместная машина с красным кузовом, на котором белой краской были написаны всякие безумные изречения.

— Обо мне не беспокойтесь, — предупредил Морис, — меня сегодня вечером, вероятно, не будет.

Лицо Изабель омрачилось.

— Это из-за Даниэля?

Вместо ответа он кивнул, не желая посвящать дочь в свои планы.

— Желаю вам успеха в сегодняшней репетиции, — сказал он.

— Спасибо! — крикнули молодые люди и сбежали по лестнице.

Морис вернулся к себе в кабинет. Он в третий раз перечитал одну страницу текста, чтобы окончательно убедиться, и выкурил еще полсигареты. Наконец он решительно встал и надел пальто.

Не спускавший с него глаз кот подбежал к двери и сел, вытянув хвост.

— Да, верно, я совсем про тебя забыл.

Морис вздохнул и пошел на кухню.

— Я не оставлю тебя голодным. Если у меня нет аппетита, то ты же не виноват.

Милорд имел обыкновение требовать пищу в определенное время. Морис открыл банку консервов и положил их в мисочку, в которой обычно лежала сочная снедь: смесь фарша из легких и свежей рыбы. Милорд с явным презрением обнюхал свою еду.

— Очень жаль, мой малыш, но сегодня мне некогда.

Не обращая внимания на жалобное мяуканье Милорда, он вышел из дома. Легкий ветер дул сквозь листву каштана. Морис поднял от холода воротник и направился к своей машине. С учетом заторов в движении, он должен был приехать на улицу Гей-Люссака минут через сорок.

Эти вычисления оказались правильными: он был вынужден объехать вокруг дома, прежде чем нашел место, чтобы припарковать свою машину.

В доме Валери он нашел на двери консьержки лист с фамилиями жильцов. Там значилось: «Валери Жубелин, пятый этаж, налево».

Лестница была широкая и чистая, хотя стены уже требовали побелки. Дойдя до пятого этажа, Морис стал раздумывать:

«Должен ли я вообще вмешиваться в это? Что мне ей сказать? Что это, собственно, даст?»

Но, возможно, причиной его колебаний была просто трусость. Он решительно нажал на кнопку звонка. Один, два, три раза прозвенел звонок, видимо, в пустой квартире. Было без десяти минут семь.

«Она еще не пришла», — подумал Морис и стал спускаться по лестнице. Он снова стал уверять себя, что ничего определенного не случилось, что просто нужно дождаться возвращения мадемуазель Жубелин. На другой стороне улицы он увидел кафе. Он занял там столик у окна, чтобы наблюдать за входом в дом номер пятьдесят семь.

Поблизости лежала вечерняя газета, крупный заголовок которой вызвал боль в его сердце:

«ПОСЛЕДНЕЕ УБИЙСТВО ДАНИЭЛЯ МОРЭ НЕ БЫЛО ВЫДУМАНО».

О деле в газете сообщалось очень немного, но зато было помещено несколько фото. Сияющий Даниэль награждается большим призом детективной литературы четыре года назад. Фасад его дома, причем два окна на четырнадцатом этаже отмечены крестиками; носилки, застеленные покрывалом, которые погружают в санитарную машину; уборщица, смущенно застывшая перед фотоаппаратом, и комиссар Фушероль с самодовольным выражением на лице.

Просматривая заголовки, Морис не спускал глаз с дома, куда уже вошло много людей. Но женщины были либо старше, либо толстые, либо тощие, либо просто непривлекательные, так что никто из них не мог быть Валери Жубелин.

Морис закончил чтение, ничего нового не узнав, и тотчас увидел ее, выходящую из такси. Это несомненно была она. Фигура, длинные белокурые волосы, строгий серый костюм — все подходило.

Такси проехало дальше, а Валери скрылась в подъезде. Морис поспешно вышел. Сопровождаемый проклятиями, он лавировал между машинами. Вошел в подъезд дома номер пятьдесят семь и поспешил по лестнице вверх. На каждой площадке он слышал над собой цоканье высоких каблучков.

Когда он, задыхаясь, добрался до пятого этажа, Валери открывала дверь.

— Извините, вы мадемуазель Жубелин?

Она испуганно посмотрела на него. Его лоб был мокрым от пота, и он тяжело дышал. Когда он подошел поближе, она в страхе отступила. С расширенными от испуга глазами, она застыла перед ним.

— Вы Валери Жубелин? — повторил он.

Обеими руками она прижимала к груди чемоданчик и, страшно напряженная, кивнула. Очевидно, она была в смертельном страхе и только потому не позвала на помощь, что у нее пропал голос.

ГЛАВА 5

— Не бойтесь, мадемуазель, я ничего вам не сделаю.

Одышка у Мориса постепенно проходила.

— Я пришел к вам как друг.

— Я не знаю, — упавшим голосом проговорила она, — я ничего не знаю.

— Не бойтесь, я друг Даниэля.

Он постарался не делать торопливых движений и понизил голос, словно перед ним был пугливый зверек, которого нужно было приручить.

— Мое имя — Морис Латель.

Его слова произвели желанное действие. Расширенные от страха глаза начали принимать обычный вид, искаженное лицо успокоилось.

— Извините, что я так глупо себя вела.

Она пригласила Мориса войти. Квартира была точно такая, какой описал ее Даниэль. Валери тоже соответствовала описанию и даже казалась более привлекательной. Она была очаровательна и элегантна, и, если смотреть в ее глаза, начинало казаться, что смотришь в глубокое озеро. Мориса взволновал ее серьезный взгляд.

— Я впервые узнала об этом по газетным заголовкам, — тихим голосом произнесла она.

Морис был рад, что она не плачет.

— Для меня это было таким ударом, что я чуть не упала в обморок. Я поскорее зашла в кафе и выпила коньяку... И потом... потом я купила газету. Но я немного узнала из нее.

— К сожалению, полиции тоже мало что известно.

Валери села на кушетку, а Морис в неудобной позе присел на пуф.

— Вы видели его? — спросила она.

— Да, он не был обезображен. Полиция — в полной растерянности.

Морис почувствовал комок в горле и, чтобы не расплакаться, резко спросил:

— Почему вы так испугались, когда меня увидели? Приняли меня за Оноре Дюпона?

Он напряженно ждал ее ответа. Валери вздрогнула.

— Разве Даниэль рассказывал вам о нем?

— Да.

Она нагнулась к нему, и Морис заметил страх в ее глазах.

— Это сумасшедший, не правда ли?

— Разве Даниэль был такого мнения?

— Мне кажется, да. Но он не был уверен вполне.

— Расскажите мне, пожалуйста, что он говорил об этом позавчера вечером в «Попугае».

Когда Морис назвал ресторан, она вся съежилась.

— Разве вы его видели после этого? — спросила она. — Где? Когда?

Морис предпочел не отвечать на ее вопросы. Сначала он хотел услышать из ее уст о том, что перед этим прочел, и получить доказательства того, что события происходили в действительности, а не были просто плодом писательской фантазии Даниэля.

— Расскажите мне, пожалуйста, прежде всего об этом вечере, — попросил он.

— Если вы непременно хотите...

— Прежде всего меня интересует ваш разговор во время ужина. Если я правильно информирован, Даниэль впервые произнес имя Дюпон за десертом, не так ли?

— Да. Сначала я подумала, что он ревнует, но это оказалось не так. И потом... Сейчас мне, конечно, очень жаль, но тогда я посмеялась над его опасениями.

Как только Валери начала рассказывать, фразы стали складываться сами собой. Ее устное описание во всех пунктах совпало с описанием Даниэля.

— После ужина он зашел ко мне.

Она говорила об их связи без похвалы и ложного стыда.

— Мы познакомились около года назад на одном коктейле, который организовало рекламное агентство, в котором я работаю.

Вытянув ноги вперед на своем низком сидении, Морис казался вдвое длиннее, чем был. Он вдруг поймал себя на мысли, что представляет себе Валери совсем не в таком виде, в каком она сейчас находится. Он представил себе, что она раздевается, собираясь лечь в кровать, на которой сейчас сидит. Кровь прихлынула к его лицу, и он смущенно отвел глаза в сторону. Смущение, досада и стыд были реакцией на разыгравшееся эротическое воображение. Сила этого всплывшего чувства испугала его. Он встал и начал ходить по комнате.

— Вы любили его? — спросил он с агрессивностью, которая ему самому была непонятна.

— Я очень хотела владеть им, — ответила Валери.

«Это значит, что она его не любила», — подумал он. Он с радостью выслушал ее ответ, а затем подумал, что по этому пункту обе версии — ее и Даниэля — совпадают. Даниэль написал, что они были скорее хорошими товарищами, чем страстными любовниками.

— Итак, подведем итоги, — сказал Морис, желая выделить отдельные детали дела. — Позавчера к Даниэлю явился Дюпон, в тот же день Даниэль ужинал с вами и затем провел здесь ночь. Вчера он позвонил мне из вашей квартиры. Сегодня ко мне прибыл фрагмент рукописи, и уборщица нашла труп Даниэля. И вот сегодня я у вас. — Он пожал плечами и добавил: — И вы знаете не больше моего, а полиция — даже меньше.

— Почему же полиция знает меньше нашего? — спросила она.

— Я не сообщил им вашего имени... так как не знал, понравится ли это вам.

Она поблагодарила его улыбкой и открыла чемоданчик, лежавший около нее на кушетке. Под желтым альбомом эскизов лежало много всякой всячины. Она вытащила оттуда пачку сигарет.

— Я так или иначе завтра пойду в полицию, — заявила она. — Но сначала я должна кое-что вспомнить. Сегодня вечером мне не хотелось идти, так как...

Она нервным жестом взяла зажигалку, отделанную крокодиловой кожей, и прикурила.

— ...так как я боюсь.

— Вы опасаетесь Дюпона?

— Нет, но все случившееся нагнало на меня страх. Если этот тип сумасшедший, то он может найти себе еще одну жертву. Даниэль советовал мне, на всякий случай, быть осторожной.

Она стряхнула пепел сигареты в хрустальную пепельницу. При этом она, видимо, вспомнила, что не предложила гостю закурить и торопливо протянула ему пачку.

— Нет, благодарю вас.

Морис не переносил виргинский табак.

— Что же вам предложить? Портвейн? Виски? — спросила она.

— Ничего, спасибо, я ничего не хочу.

Хотя Валери пыталась выполнить обязанности хозяйки, она явно была не в своей тарелке. На смену возбуждению пришла депрессия. По ее лицу было видно, что она обессилена.

— Пойду выпью стакан воды, — сказала она, встав с места и направляясь в кухню.

Морис кивнул. Он не рассчитывал, что она оставит его одного. Как только она вышла, он схватил желтый альбом и стал быстро его перелистывать. Там находились одни только рисунки, некоторые из них были просто эскизами, другие же были выполнены до малейших деталей.

— Вот! — это прозвучало как триумф.

Мужская голова с характерной лысиной, вне всякого сомнения, изображала Оноре Дюпона.

ГЛАВА 6

Морис сидел на том самом месте, на котором сидел (тридцать шесть часов назад) его друг, однако у него не было оснований щадить Валери.

— Вы знаете его? — резко спросил он и сунул ей под нос рисунок, когда она вернулась.

— Это мой альбом эскизов, — удивленно ответила она.

— Да, но что это за рисунок?

Затем до нее дошло, что он имел в виду, и она возмущенно добавила:

— Не хотите ли вы сказать, что...

— Сначала ответьте на мой вопрос. Кто это?

— Какой-то тип, который следовал за мной по улице.

— Когда это было?

— Восемь дней назад. Я это хорошо помню. Он следовал за мной до самого дома.

— И вас это не насторожило?

— Нет. В конце концов за мной не первый раз следуют... Это часто случается с женщинами.

«Но только с очаровательными», — мысленно добавил Морис.

— Собственно говоря, он вел себя весьма корректно. Шел все время на некотором расстоянии и не пытался заговорить со мной. Чтобы отделаться от него, я даже выпила чаю по дороге, а он ходил взад и вперед возле кафе. Я не придавала особого значения этому случаю.

— Но почему вы его все же нарисовали?

— Потому что у него такая необычная голова. Многие люди, которых я рисовала, были мне незнакомы. Если мне бросается в глаза голова, я тотчас ее рисую, неважно, где я нахожусь.

Она указала на круглую, как луна, ухмыляющуюся физиономию, изображенную на том же листе блокнота, что и Дюпон.

— Это хозяин кафе, в котором я пила чай, — сказала она. — Облик человека — это интереснейший сюжет, на мой взгляд.

Даниэль правильно оценил ее: Валери была исключительно талантлива. Ее искусство поражало своей изумительной реалистичностью. Когда она закончила говорить с Морисом о своих рисунках, глаза ее блестели, а теперь лицо снова омрачилось.

— Но скажите мне, пожалуйста, кто это?

Морис вздрогнул, почувствовав прикосновение ее теплой руки.

— Вероятнее всего, Оноре Дюпон.

Она отдернула руку.

— Ах, так вы его знаете?

— Нет, но мне известно, что Даниэль обнаружил рисунок его головы среди ваших прочих рисунков.

— Но почему он не сказал об этом мне?

— Вероятно, ему не представился подходящий случай.

Она кивнула.

— Видимо, в этом деле он доверял вам больше, чем мне, — тихо проговорила она, а затем с беспокойством добавила: — А он говорил вам, что мне грозит опасность?

— Мне думается, вам нечего опасаться.

— Но восемь дней назад Дюпон все же интересовался мной.

— Вероятно, он всего лишь хотел пополнить свои сведения о Даниэле, и при этом неожиданно сам попал в беду: столкнулся с таким редким человеком, как вы. Теперь его лицо запечатлено, а это может привести к тяжелым последствиям.

Валери испытующе посмотрела на свою работу, а затем вырвала лист из альбома.

— Вы думаете, полиции это пригодится? — спросила она.

— Комиссар Фушероль будет просто счастлив. Получить портрет убийцы — почти так же важно, как узнать его имя.

Как-то незаметно Морис и Валери стали чувствовать себя как добрые товарищи, и они решили на следующий день вместе отправиться на набережную Орфевр.

— Я заеду за вами, — сказал Морис.

Валери так доверчиво смотрела на него, что ему захотелось рассказать ей все, что ему было известно, чтобы его не мучила совесть. Но должен ли он сообщить ей о рукописи Даниэля, прежде чем она пойдет в полицию? В данный момент он не мог этого решить и закурил сигарету.

Кто-то постучал во входную дверь. Тихий стук был похож на условный.

— Это консьержка, она не звонит, — пояснила Валери и пошла открывать дверь.

На пороге появилась симпатичная брюнетка.

— Вам письмо, мадемуазель Жубелин.

Валери взяла письмо, не проявив к нему интереса. Ее мысли были заняты другим.

— Спасибо, мадам Барбье, — сказала она. — Не зайдете ли на минутку?

Брюнетка вошла и подошла поближе. Когда она заметила Мориса, то по ее глазам он понял, что она приняла его за нового друга Валери.

— Вчера я спрашивала вас, не живет ли в нашем доме мужчина по фамилии Дюпон, — продолжала Валери.

— Да, и я ответила вам, что здесь определенно нет человека с такой фамилией.

— Верно, а теперь взгляните, пожалуйста, на этот рисунок.

Мадам Барбье внимательно посмотрела на эскиз.

— Нет, — ответила она, — этого господина в нашем доме я не видела.

— А где-нибудь еще? — спросил Морис.

— Тоже не видела. Я вообще его никогда не видела, — консьержка указала пальцем на эскиз. — Такого человека не так-то легко забыть.

Потом она повернулась и вышла.

Погруженная в раздумье Валери уставилась в одну точку перед собой, держа в одной руке альбом, а в другой — письмо.

Чтобы поддержать разговор, Морис сказал:

— Это была очень хорошая мысль с вашей стороны — показать консьержке эскиз. Было бы неплохо, если бы она узнала Дюпона. Но я не смею вас больше задерживать. Читайте спокойно ваше спешное письмо.

Он тактично отвернулся, взял с кушетки пальто и надел его.

Валери углубилась в чтение письма, но это продолжалось лишь минуту.

«Вероятно, это письмо с соболезнованиями», — подумал Морис.

В это время он принял решение повременить с сообщением Валери о рукописи: для этого время будет еще завтра.

Он кашлянул, и она взглянула на него.

— Так, теперь я пойду, — сказал он.

Она устало улыбнулась, а ему очень не хотелось с ней расставаться.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он.

Она пожала плечами. Он почувствовал, что ей хочется остаться одной, и поэтому сказал:

— Итак, до свидания, мадемуазель Жубелин.

Маленькая ручка, которая еще совсем недавно была теплой, теперь же холодная, как лед, оказалась в его руке.

— До свидания, мсье Латель.

— Я позвоню завтра утром.

Он был бы рад, если бы она его задержала, настолько приятно было ему находиться в ее обществе. Он неохотно направился к выходу. Он уже взялся за ручку, когда Валери схватила его за руку.

— Ах, прошу вас... — тихо произнесла она.

Ее широко распахнутые глаза теперь были полны тоски. Она покачнулась. Морис положил ей руку на плечо и повел к кушетке. Она упала на нее и залилась слезами.

— Я вам солгала, — сказала она, — я... я не из газет узнала, что Даниэль умер. Я знала об этом уже сегодня утром. Весь день я работала и не смела никому рассказать об этом.

Морис молчал, зная, что в такой момент слова неуместны.

— Целый день я вздрагивала от малейшего шороха.

Ее искаженное страданием лицо было подобно бледной маске.

— Сегодня в шесть часов утра он мне звонил, — призналась она.

— Дюпон?

— Да. Он представился: говорит Оноре Дюпон. Я была совсем сонная.

— Какой у него был голос?

— Низкий... и какой-то...

— Заискивающий, маслянистый?

— Да-да, именно. Он сказал, что я единственный человек, с которым Даниэль встречался после разговора с ним. Правда, в этом он заблуждается, потому что вы тоже...

— Это что-то новое, — заметил Морис.

— Видимо, он заметил, что я не понимаю, чего он хочет. Во всяком случае, он сказал, что если я ничего не знаю, то мне нечего бояться. В противном же случае я должна молчать, иначе со мной будет то же, что и с Даниэлем. А затем он совершенно равнодушно заявил, что он убил Даниэля. Вот и все. Потом он повесил трубку.

Морис снова снял пальто. Сигарета у него погасла, и он раздавил ее в пепельнице.

— И вы ему поверили? — спросил Морис.

— Конечно, нет. Мне не верилось в это, но я несколько раз звонила Даниэлю и, конечно, безрезультатно. Потом я пробовала звонить ему с работы и тоже тщетно. Но я все еще думала, что кто-то зло пошутил надо мной, пока в половине двенадцатого не появилось сообщение по радио. Остальное нетрудно было угадать. После подтверждения слов Дюпона, его угрозы приобрели новое значение. Валери стала бояться.

— Я никому ничего не сказала, — произнесла она.

— Но мне все же...

— Вы знали больше, чем я. Мне даже было неизвестно, что я зарисовала в альбоме Дюпона.

— Счастливый случай, иначе бы вы уничтожили эскиз.

Валери ничего не ответила на это. Она вынула из сумочки спешное письмо, спрятанное ею туда, и протянула его Морису.

— Прочтите.

На белом листе была всего одна строчка. Она была написана большими печатными буквами красными чернилами:

«МОЛЧИТЕ, ЕСЛИ НЕ ХОТИТЕ УМЕРЕТЬ»

Адрес на конверте был написан тем же шрифтом.

— Он хочет произвести на вас впечатление.

— Этого же он хотел по отношению к Даниэлю, — с горечью проговорила Валери, а затем добавила нежным голосом: — Пока вы здесь, я чувствую себя в безопасности, а когда пришло письмо и вы собрались уходить, я испугалась.

— Надевайте пальто и пойдете ко мне, — сказал Морис.

— Куда?

— Ко мне. — И, чтобы не создалось ложное впечатление, он добавил: — Я живу вместе с моей девятнадцатилетней дочерью. Вы можете расположиться в ее комнате.

Пока Валери собирала в ванной свои туалетные принадлежности, Морис снова исследовал письмо. Оно было написано авторучкой, и то, что оно было анонимным, вполне соответствовало его представлению о Дюпоне. Если полиция исследует его в лаборатории, то станет известно: где и когда он мог купить такую бумагу и такие чернила. Значит, данных еще прибавится, но важнейшим из них был портрет Дюпона.

— Могу ли я сохранить его до завтра у себя? — спросил Морис, когда Валери вернулась в комнату.

— Разумеется.

Она причесалась и освежилась. На ее внешности не отразилось душевное волнение последних часов. Она выглядела свежей и юной. Ее длинные белокурые волосы эффектно лежали на бровном воротнике твидового пальто.

— Вы в самом деле очень внимательны ко мне, — с благодарностью сказала Валери.

— Это я должен благодарить вас... ведь Даниэль был моим другом, — возразил Морис.

Даже если бы Валери ему и не настолько понравилась, он из чувства долга все равно поступил бы точно так же. Или же нет? Он тотчас выбросил из головы эти мысли. Не стоит заниматься излишними размышлениями, это ни к чему не приведет. Лучше сосредоточить свое внимание на стоящих перед ним проблемах.

Спускаясь этаж за этажом по лестнице, они слышали сводку новостей, доносившуюся из громко работающего телевизора в комнате консьержки.

На улице редкие капли дождя образовывали темные пятна на сером тротуаре. Валери и Морис поспешили к машине. С раскрасневшимися щеками и блестящими глазами Валери уселась на переднее сиденье рядом с Морисом. Уличное движение было чрезвычайно интенсивным, и, только когда светофор на ближайшем перекрестке загорелся красным светом, Морис нашел просвет в веренице машин и вклинился в него. В тот же самый момент за ним последовал черный «Пежо».

ГЛАВА 7

Комиссар Фушероль важно восседал за своим письменным столом. Его жирная шея образовывала розовое утолщение над воротом рубашки. Казалось, он, как неограниченный монарх, царствовал в своем государстве и повелевал всеми, кто имел несчастье туда попасть.

— Мадемуазель Жубелин, где вы провели прошлую ночь? — строго спросил он.

Он принял к сведению показания Мориса и Валери, прочитал рукопись Даниэля и спешное письмо, а эскиз убийцы взял в качестве улики. И после этого всего у него не нашлось сказать ни одного хорошего слова.

— Мсье Латель был настолько любезен, что взял меня к себе домой, — ответила Валери.

— Ага!

Взгляд комиссара был столь красноречив, что Валери вспыхнула.

— Что вы хотите этим сказать? — запротестовал Морис.

Потом ему стало ясно, что его возмущение только подчеркнуло двусмысленность ответа. Он заставил себя продолжать спокойным тоном:

— Мадемуазель Жубелин имела все основания не желать оставаться в одиночестве, и поэтому она охотно приняла предложение моей дочери переночевать в ее комнате.

Это было не совсем так. Вернее, совсем не так. По отношению к Валери Изабель была очень холодна. Возможно, она инстинктивно чувствовала соперницу, заметив расположение к ней отца, до сих пор жившего только для нее. Пока Валери в кабинете читала рукопись Даниэля, Морис сделал дочери замечание:

— Войди в ее положение, малышка. Ведь девушка теперь очень несчастна. И даже возможно, что ее жизнь — под угрозой.

К началу ужина атмосфера все еще оставалась очень напряженной. Естественно, разговор шел о трагическом событии, потом перешел на репетиции Изабель, на ее занятия и на ее планы. Валери оказалась такой дружелюбной и внимательной слушательницей, что враждебность Изабель почти улетучилась.

* * *

— Я задал этот вопрос только для того, чтобы получить дополнительную информацию, — пояснил Фушероль. — Если бы вы не пришли сами, мадемуазель, мы бы вас вызвали. Любовная связь, да еще так тщательно скрываемая...

— Мы с Даниэлем не старались ее скрывать.

— Тогда не удивительно, что мы обнаружили у Морэ ваше имя и номер телефона. Я еще вчера вечером послал своего человека на улицу Гей-Люссака. Поэтому я и знаю, что вас этой ночью не было дома.

Зазвонил телефон. Фушероль пробормотал несколько слов в трубку и закончил разговор.

— Хорошо, спасибо, — он повесил трубку. — Это из лаборатории, — пояснил он. — На пистолете, обойме и патронах не обнаружено отпечатков пальцев. Либо все было хорошо вытерто, либо работали в перчатках. Преднамеренное убийство!

— Поэтому преступник и оставил там оружие, — заметил Морис.

Комиссару, видимо, не понравилось, что кто-то другой сделал выводы из фактов, и он бросил на Мориса недружелюбный взгляд. Зато Валери могла порадоваться более милостивому обращению.

— Этот рисунок появится во всех газетах, — сказал он. — Мы получим массу информации, которая почти вся будет ложной. Это всегда так бывает. Конечно, мы проверим каждое сообщение и найдем достоверные факты при условии, что оригинал будет похож на портрет.

— Я уже подумала о том, что вы будете сомневаться, — и Валери протянула ему листок, на котором во время ожидания она нарисовала несколько голов. Помощник комиссара Совин и сам комиссар тоже находились среди этих портретов. Портрет Фушероля был несколько приукрашен.

— Ну, теперь вы верите, что мой рисунок похож на Дюпона? — спросила Валери.

Комиссар изумился при виде своего портрета. Он был им так же доволен, как и своей собственной персоной.

— Превосходно. Это даже лучше, чем фото. Если негодяй увидит свой портрет, он поймет, что пропал.

— А поэтому имя Жубелин ни в коем случае не должно связываться в печати с этим портретом.

— Этого вы могли бы и не говорить, — возразил комиссар. — Я уже почти двадцать лет нахожусь в своей должности.

Антипатия, которую Морис и Фушероль почувствовали друг к другу с самого начала, в присутствии очаровательной Валери еще больше усилилась.

— Можете не беспокоиться, мадемуазель, — заверил ее комиссар, — ваше имя не будет упомянуто в прессе. После того, что мы теперь имеем...

Фушероль помахал листком, на котором была изображена голова Дюпона.

— ...Мерзавец все равно пропал. А зверь, которого догоняет охотник, думает только о бегстве. Он поднялся и тяжелыми шагами вышел из-за стола.

— Теперь попрошу пройти сюда.

С преувеличенной галантностью он взял Валери за руку, чтобы помочь встать, и, не выпуская ее руки, проводил в соседнюю комнату. На изящной руке Валери его толстая с черными волосами ручища выглядела почти непристойно.

— Совин!

Инспектор подошел с услужливым видом.

— Запротоколируйте показания мадемуазель Жубелин. Я еще побеседую с ней, когда вы закончите.

Совин подобострастно поклонился свидетельнице, очевидно, обрадованный благосклонностью своего шефа. Комиссар закрыл дверь и вернулся к своему письменному столу.

— Ну, мсье Латель, значит, у вас от меня секреты, — проговорил он деланным тоном дружелюбного упрека. — Вы сами любите немножко поиграть в детектива?

— Даже с некоторым успехом, как видите.

— И так же мило вы мне лгали.

Комиссар подмигнул:

— Волнующая особа, эта маленькая Жубелин.

— Вы слишком далеко заходите, — сердито проворчал Морис.

Его антипатия к комиссару перешла в сильное отвращение.

— Я не хотел вступать с вами в пререкания в присутствии мадемуазель Жубелин, но теперь, когда мы одни, я протестую против подобных высказываний. Да, конечно, она провела прошлую ночь в моем доме, но я уже говорил вам, что там была моя дочь. Мадемуазель Жубелин — не девица легкого поведения, с какими вам, вероятно, приходится иметь дело по долгу службы.

— Да, да. Не надо волноваться.

Комиссар самодовольно улыбнулся:

— Я, видимо, кое-что преувеличил, но иногда приходится поступать так, а не иначе, чтобы получить нужную реакцию.

— Это вам удалось, — сказал Морис и добавил: — Девушка в порядке.

— Но вы же знаете ее всего один день.

— Я долго беседовал с ней.

— Либо вы принимаете меня за дурака, — пробормотал Фушероль без всякой неприязни, — либо вы и в самом деле очень наивны. — Не успел Морис возразить ему, как он добавил: — Там есть еще кое-кто...

Пригласив его подойти к двери, ведущей в коридор, он тихо приоткрыл ее.

— Взгляните на эту женщину.

Морис увидел стройную маленькую женщину лет шестидесяти, сидящую на скамейке у стены. Она была во всем черном. С непроницаемым лицом и положенными совсем прямо руками, она сидела подчеркнуто неподвижно.

— Она вчера прибыла из Шатеру.

— Это его мать?

— Да. Она вдова. Он был ее единственным ребенком.

— Единственный ребенок... — проговорил Морис.

Ему легко было поставить себя на место этой матери, которая сейчас переживала не меньше, чем он, когда потерял жену.

— Вы когда-нибудь видели эту женщину?

— Нет.

— И вы не знаете, что она была в натянутых отношениях с сыном?

Фушероль подошел к письменному столу и взял пачку сигарет.

— Хотите закурить?

Казалось, он забыл о сделанных ему замечаниях. Он закурил и продолжал:

— Морэ был у нее светом в окне. Она не могла простить ему, что он уехал из Шатеру и поселился в Париже.

— Но ведь он был взрослый.

— Для матери ребенок всю жизнь остается ребенком.

Сперва Морис провел параллель с собой. Разве в его глазах Изабель была взрослой женщиной? Но ведь ей всего девятнадцать лет! Она была совсем еще подростком. Вообще, Изабель — это совсем другое дело.

— А такая мать-собственница, — закончил свою речь Фушероль, явно гордясь своими познаниями в психологии, — любит видеть в себе мученицу. Мадам Морэ не простила своему сыну, что он уехал в Париж. Она не простила и тех, кто переманил его от нее. Она ненавидит всех, кто был ему близок здесь, в Париже, считая, что они разлучили ее с сыном. Она ненавидит весь мир! — сделав паузу, он добавил: — Поэтому прежде всего я покажу портрет Дюпона ей.

— Но вы же не предполагаете... Дюпон несомненно сумасшедший, который возомнил себя мстителем.

«Я убью всех злых!» — это было бы подходящее название для детективного романа.

В это время Морис был озабочен другим. Он думал о Валери.

Пока Фушероль изливался по поводу душевнобольных и мотивов их преступлений, у него в голове возникла одна идея.

— Вы не опасаетесь, что Дюпон станет мстить мадемуазель Жубелин? — спросил он комиссара. — Что, если он отважится пойти на это?

— Может быть, — ответил Фушероль, пытаясь выпустить дым колечком. — Она довольно хорошая приманка, на которую можно поймать преступника.

— Приманка? Надеюсь, вы не собираетесь использовать мадемуазель Жубелин как приманку?

Фушероль, казалось, не заметил возмущения Мориса и спокойно продолжал:

— Конечно, для нас было бы очень неплохо, если бы этот тип узнал, что его портрет получен от нее. Но я постараюсь, чтобы этот факт не просочился в прессу. Мы должны сделать все, чтобы защитить ее.

— А если он все же убьет ее?

— Если он убьет... если он убьет...

Наконец, Фушеролю удалось выпустить дым колечком, но он разрушил его резким движением, так как вопрос Мориса привел его в возбуждение.

— Если он убьет ее, то здесь я ничего поделывать не могу. Ведь не приставлю же я к ней личного телохранителя и не запру ее в камере. Это не в моей компетенции.

Он взмахнул сигаретой и стал обнадеживать Мориса:

— Я сделаю все, что от меня зависит, Латель, и даже больше, чем повелевает мне долг. Остальное — в руках божьих.

Он засеменил к окну и выглянул наружу. Большие часы на дворце Правосудия пробили двенадцать. Фушероль повернулся.

— Теперь уже поздно протоколировать ваши показания. Приходите, пожалуйста, завтра. — И добавил дружеским тоном:

— Большое спасибо вам за помощь.

Морис вышел в коридор, озадаченный изменением тона комиссара. Мадам Морэ сидела на том же месте. Он не заметил в ней и тени волнения. Женщина выглядела такой одинокой, что Морису захотелось проявить к ней участие.

— Извините, мадам, я был другом Даниэля.

Она медленно повернула к нему маленькое худое лицо с торчащим острым носом.

— С друзьями моего сына я не хочу иметь дела.

* * *

Ресторан был переполнен. Негромкий хор голосов царил в дымном зале. Почти за всеми столиками сидели мужчины, сопровождавшие свои разговоры энергичными жестами. Многие из них поместили под стульями свои портфели. На противоположной стороне улицы высился монументальный фасад дворца Правосудия, обнесенный решеткой с позолоченными остриями.

Валери привлекала к себе множество взглядов, но это ее не стесняло. Все ее внимание было направлено на стоящие перед ней блюда, которые она «грациозно» поглощала, как говаривал Даниэль. Морис не удивлялся ее аппетиту: из рукописи своего друга он уже хорошо знал это, и потому пригласил ее в этот ресторан поблизости от набережной Орфевр, хотя она и утверждала, что вовсе не голодна.

— К вам не очень придирались? — спросил он.

— Нет. Мне только пришлось подписать кучу машинописных страниц.

— А Фушероль? Он вас снова допрашивал?

— Очень мало. Он мерзкий тип, — ответила она и насадила на вилку кусок колбасы.

— Вы видели мать Даниэля?

— Я встретила с ней у дверей, но мы с ней не разговаривали.

Разговор постепенно замирал. Морис, ради приличия, пытался его поддерживать.

— Может быть, вы хотите сыра?

Она отказалась, но зато охотно приняла предложение взять на третье омлет «Сюрприз» на две персоны. Морис, по ее настоянию, тоже попробовал это блюдо. Ему было приятно сидеть в непосредственной близости с ней, хотя он и чувствовал укоры совести из-за того, что радовался этому, несмотря на трагические обстоятельства.

— Сегодня после обеда вы должны работать? — спросил он.

— Да. К сожалению, я не писатель, и кроме того у меня есть шеф.

— А что вы собираетесь делать после работы?

— Ну, что я могу делать? Поеду домой.

— У вас нет родственников?

— В Париже нет.

Они снова замолчали, и Валери вплотную занялась десертом. Вдруг она выронила ложечку и мороженое из тарелочки брызнуло на кружевное жабо. Расширенными от ужаса глазами она смотрела на Мориса.

— Что с вами? — встревоженно спросил он.

— Не оборачивайтесь.

Валери заставила себя улыбнуться, вытирая жабо.

— Что случилось? — вновь спросил Морис.

— Дюпон... Он на улице... перед окном.

Морис замер.

— Что он делает?

— Ничего. Подсматривает.

— Он вас заметил?

— Не знаю.

— Не подавайте вида, что вы его узнали, продолжайте есть.

Валери последовала его приказу. Морис наполнил стакан и стал обдумывать, как лучше поступить.

Они сидели в дальнем углу переполненного зала. Он ничего не мог предпринять. Если он встанет и начнет пробираться к выходу, Дюпон скроется, и он не сможет его настичь. Убийца стоял за дверью в нескольких метрах от него, но он был так же недоступен, как если бы находился по другую сторону пропасти. Такая ситуация встречается только в романах.

— Не желают ли господу кофе?

К ним подошел официант, и Морис воспользовался случаем.

— Есть ли запасной выход из этого помещения? — спросил он. Идея пришла ему в голову, когда он вспомнил один роман.

Один франк помог официанту быстрее понять суть вопроса.

— Есть, мсье. Из мужского туалета ведет дверь в подъезд.

— Большое спасибо, — сказал Морис и поднялся. — Пожалуйста, принесите даме кофе, — потом, обернувшись к Валери, добавил: — Продолжайте спокойно есть. — Он не спеша направился к мужскому туалету.

Что он должен предпринять? Позвонить в полицию? Попросить помощи у прохожих или просто наброситься на парня?

У него не было времени, чтобы строить планы. Туалет... там дверь... длинный темный коридор и — выход на улицу.

Он подумал о Валери, о грозящей ей опасности и бросился бежать.

ГЛАВА 8

К своему разочарованию Морис вышел из подъезда в тихий переулок. Куда ему направиться, чтобы выйти к фасаду дома? В жизни все происходит не так просто, как в книгах. Через некоторое время он вышел на ту улицу, где находился ресторан. Поблизости никого не было. Куда девался Дюпон? Возможно, он находился совсем близко, в подъезде дома или спрятался в одной из бесчисленных машин, стоявших повсюду. Двое мужчин, оживленно разговаривая, вошли в ресторан. Поблизости никого не было. Морис тоже подошел к входу. Увидев его, Валери кивнула и сделала знак войти.

— Вы не могли успеть: как только вы ушли в туалет, он скрылся, — подавленно проговорила она.

Валери теперь была спокойна, однако десерт она не доела.

— Он выследил нас, — озабоченно сказала она. — Теперь он знает, что я была в полиции.

— Он думает, что нас туда вызывали. Это вполне реально.

— А когда он увидит в газете свой портрет, то заподозрит взаимосвязь.

— Но тогда он уже не сможет ничего предпринять против нас.

Морис старался, как мог, успокоить Валери и самого себя, приводя все аргументы комиссара. Кроме того он добавил, что Дюпон непременно хотел совершить идеальное убийство. Он не из тех сумасшедших, которые просто убивают кого угодно и когда угодно.

— Пока вы не одни, вам нечего опасаться, — пояснил Морис. — Побудьте еще дня два у меня.

— Нет, спасибо. Я не хочу вас больше стеснять.

И когда он запротестовал, она решительно добавила:

— Кроме того, я должна привыкнуть к ситуации.

— Тогда разрешите, по крайней мере, подвезти вас с работы домой.

— Большое спасибо, — сказала она и нежно коснулась его руки.

В этом простом жесте было столько тепла, что Морис совсем растаял. Официант принес Валери кофе.

— Сегодня же я обо всем расскажу Фушеролю, — сказал Морис.

— А мне сегодня нужно еще поработать, — сказала Валери, посмотрев на часы.

Вскоре они вышли. Морис высадил Валери на Елисейских полях и поехал к себе домой.

Изабель сидела возле письменного стола отца и что-то искала в книжном шкафу под неодобрительным взглядом Милорда.

— Где же «Сирано»? — спросила она. — Жан-Люк разучивает сцену на балконе, и я должна подавать ему реплики. Потом мы отправимся в студию.

Морис был в хорошем настроении. Он нашел книгу на книжной полке и протянул ее дочери.

— Ты неразлучна с Жан-Люком, — сказал он.

— Жан-Люк — замечательный парень.

— Я знаю, совершенно выдающийся парень.

— Точно! Лучший из всех моих друзей.

— А ты уверена, что он питает к тебе только дружеские чувства?

— Не будь таким недоверчивым, — улыбаясь, сказала Изабель. Но потом приняла более серьезный вид и спросила:

— Как все прошло в полиции?

— Хорошо.

Он сообщил ей только основное, чтобы не волновать ее. Он умолчал о появлении Дюпона перед рестораном. Но она, видимо, почувствовала, что он был не вполне откровенен.

— Ты действительно уверен, что Валери не грозит опасность? — спросила она.

— Я надеюсь. Осторожности ради я сегодня отвезу ее с работы домой.

— Вы с ней тоже стали неразлучны, — сказала Изабель.

— Не говори чепухи.

Он сразу же пожалел о резкости своего тона.

Изабель смущенно пробормотала:

— Извини. Это... это я только пошутила.

Звонок телефона положил конец их разговору. Звонил Вилли Брунер, коллега Мориса. Он хотел знать, нет ли чего нового о смерти Даниэля.

Изабель вышла со своей книгой, а Милорд с истинно кошачьим терпением дождался конца телефонного разговора и затем уселся на колени своему хозяину.

— Благодаря информации, которую мы получили, — просвещал его Морис, — и главным образом благодаря портрету, мы уже немного продвинулись вперед. Если бы Валери находилась сегодня под охраной двух опытных агентов, Дюпону не удалось бы так легко удрать. Его наверняка бы задержали. Что ты на это скажешь?

Милорд поднял вверх голову и вытянул шею в надежде, что хозяин погладит его. На вопрос он ответил вежливым мяуканьем.

— Если бы, к примеру, портрет Дюпона не был помещен в газетах, у полиции было бы тайное оружие. Дюпон был бы уверен в своей безнаказанности, и, возможно, нам снова представился бы такой удобный случай, как сегодня.

Морис закурил сигарету, и вдруг ему стало ясно, что его соображения почти совпадают с соображениями Фушероля, которые так его возмутили. Разве не говорил он о возможности использовать Валери как приманку? Нет, разница все же была. Фушероль охотно использовал бы Валери как приманку, после того, как стало бы известно, что портрет, помещенный в газетах, нарисовала она. Это разожгло бы чувство мести у Дюпона. Но пока он еще не знает об этом, и это было видно сегодня за обедом. До сих пор у него не было причин для страстного желания отомстить Валери. Морис позвонил по телефону и изложил комиссару свои соображения.

— Теперь уже поздно, — ответил тот. — Фото уже разослано в газеты. Кроме того, мне не верится, что ваша идея даст желаемый результат. После того как сегодня в ресторане вы потерпели неудачу, Дюпон, вероятно, стал подозрительным.

«Так, — подумал Морис, положив трубку, — теперь он рад, что сможет свалить вину на меня, если это случится».

Милорд стал невинной жертвой плохого настроения своего хозяина. Тот, так и не погладив его, опустил на пол. Хлопнула входная дверь — это Изабель пошла на свидание. Морису снова пришлось подумать о том, что его дочь скоро уйдет отсюда с Жан-Люком или с кем-нибудь другим.

— А я останусь один.

Морис запрещал себе думать о Валери. Чтобы отвлечься, он начал писать обзор, который каждую неделю печатался в «Париж–Стоп». Тема этой недели была под рукой: «Он умер, как герой своего романа». Но Морис не выполнил своего намерения. Взглянув на календарь, он к собственной радости узнал, что ему пора явиться в издательство и выяснить там в последней инстанции, какая рукопись пойдет в печать и пополнит ряды детективных романов. Этот визит он мог перенести на другой день, но предпочел покончить с этим делом сейчас. Редакция издательства находилась на улице Мирабель, вблизи Елисейских полей.

Все, находившиеся там, начиная с телефониста и кончая директором, хотели поговорить о трагическом случае: «Вы ведь так дружили с ним, мсье Латель...»

Морис спрятался ото всех любопытных в пустом кабинете, где его ожидали пять рукописей. Первая принадлежала Фреду Сака, вторая — братьям Брунье, двум совсем сумасшедшим авторам. Третья была написана очень живо и имела некоторые стилистические особенности изложения, сходные со стилем Даниэля. Рукопись произвела на Мориса хорошее впечатление. Он бегло просмотрел некоторые места и вскоре решил, что сомнений быть не может. Четырнадцать дней назад Даниэль, по обыкновению, сообщил ему содержание своего очередного романа «Жертва».

— Я хотел бы узнать твое мнение о нем.

Содержание романа Даниэля совпадало с содержанием рукописи, которая сейчас лежала перед Морисом. Это не было случайным совпадением. Содержание от начала до конца было идентичным. Рукопись была выполнена не на электрической машинке Даниэля. Это было видно по неравномерности шрифта. Иногда литеры были смазаны, иногда стояли выше или ниже. Под заглавием большими буквами, карандашом, было написано: «Пьер Кулонж».

Морис попытался вспомнить. Кулонж... Пьер Кулонж... Он о таком не слышал и отправился по коридору в секретариат, чтобы ознакомиться со списком помещенных рукописей. Информация о «Жертве» ограничивалась двумя словами. Рукопись была прислана накануне. Ее автор, Пьер Кулонж, жил в доме номер девяносто три в парижском предместье Сен–Мартин.

Итак, накануне Пьер Кулонж прислал роман, который был закончен в этот день убитым Даниэлем Морэ.

ГЛАВА 9

Все вечерние газеты поместили портрет Дюпона. Комиссар не сообщил, откуда он взялся, поэтому пресса высказывала самые фантастические предположения. Фушероль, как обычно, был очень сдержан. Газеты ничего не знали ни о визите Мориса в полицию, ни о рукописи Даниэля, ни о письме с угрозой.

За неимением лучшего журналисты были вынуждены посвятить статьи личности убитого, его жизни, значению, его родственникам. Мадам Морэ, которую фоторепортеры настигли во дворе полицейского управления, выглядела, как летучая мышь, ослепленная дневным светом.

— Фушероль сдержал слово, — сказал Морис, когда Валери вышла из дверей рекламного агентства с папкой рисунков под рукой. — О вас в газетах нет ни слова.

Хотя у Мориса на этот вечер были другие планы, он все же спросил ее:

— Не хотите ли со мной поужинать?

— Спасибо, но у меня, к сожалению, нет времени. Я еще должна сделать срочную работу, к которой я еще даже не приступила.

Валери похлопала рукой по большой папке с рисунками. Они прокладывали себе путь сквозь толпу, как всегда спешащую в вечерние часы по Елисейским полям к своим машинам. Прежде чем отъехать, Морис спросил:

— У вас, по крайней мере, есть хоть какая-нибудь еда дома?

Он уже наполовину выехал со стоянки, когда Валери коснулась его руки:

— Пожалуй, я лучше куплю здесь.

Морис вернулся обратно на стоянку. В нескольких метрах от них черный «Пежо» тоже дал обратный ход.

— Я быстренько управлюсь, — сказала Валери.

Она поспешила в кондитерскую, как ночная бабочка, которую привлекает дневной свет витрины. Морис оперся о баранку и погрузился в свои думы. С той поры, когда он спешно покинул издательство, чтобы не опоздать к месту своего свидания, «Жертва» больше не выходила у него из головы. Подобно мертвецу в пьесе Ионеску, рукопись принимала все большие размеры. И хотя Морис говорил себе, что она не может иметь отношения к делу, теперь эта загадка казалась ему важнее остальных проблем.

— Вот и я, — сказала Валери и положила внушительных размеров пакет на заднее сиденье рядом со своей папкой. — Для вас я тоже кое-что захватила.

Ужин вдвоем в ее квартире... Искушение было слишком велико, и Морис с трудом заставил себя отказаться.

— К сожалению, я сегодня не смогу составить вам компанию.

Он не мог решиться сказать ей правду. В конце концов, похожих романов было очень много. Его опасения по поводу идентичности двух историй постороннему человеку могут показаться малозначительными.

Он тронулся с места, и следом за ним двинулся черный «Пежо», повторяя его маневр уже во второй раз. Пока Морис направлялся в широкий поток движения, он снова заметил его в зеркале заднего обзора. Валери читала только что купленную газету. На площади Конкорд черная машина все еще преследовала их. То же было и на бульваре Сен-Жермен.

— Завтра этот портрет появится во всех утренних газетах, не правда ли? — спросила Валери.

— Да. И тогда вся Франция обратит свой взор на Дюпона. Теперь его песенка спета.

Черный «Пежо» больше не появлялся в зеркале. Теперь другая машина находилась между Морисом и преследующей его машиной, внутренность которой была так же темна, как и ее кузов. Невозможно было разглядеть номер. Морис так часто оборачивался, что Валери обратила на это внимание.

— Кто-то преследует нас, — ответил он на ее немой вопрос.

— Кто же?

— Машина.

Он описал ее Валери. Заметив справа впереди тихую боковую улицу, он свернул туда. «Пежо» последовал за ним.

— Запомните номер! — приказал Морис.

— 903-У-75.

Время шло. Другая машина была задержана красным светом и осталась позади. Когда они приехали на улицу Гей-Люссака, ее уже не было.

— Поспешим.

Морис взял папку с рисунками и сверток с продуктами, и они быстро поднялись по лестнице. Веселые цвета ее уютной квартиры создавали оазис спокойствия. Задыхаясь от быстрого подъема по лестнице, они с облегчением опустились на кушетку и пуфик. Если остаток пути Валери молчала и все время нервно смотрела в заднее стекло, то теперь она не могла уже удержаться от вопросов, которые вертелись у нее на языке.

— Это был Дюпон?

— Надо думать. Теперь у нас есть номер его машины, и мы сможем узнать его настоящее имя.

— Мы можем позвонить комиссару, не так ли? — спросила Валери.

Морис промолчал. Он не хотел говорить ей, что мало доверяет Фушеролю и предпочитает придерживаться своих радикальных методов.

— Я знаю еще кое-кого из управления полиции, — ответил он. — Ему я и позвоню.

Он застал своего знакомого и передал ему свою просьбу.

— Это пустяки, — ответил тот. — Правда, сегодня я не смогу добраться до картотеки с номерами, но завтра утром я проверю.

— Завтра... Завтра... — огорченно проговорила Валери и утешилась шоколадным тортом.

— В это время, конечно, Фушероля нет в его кабинете, — сказал Морис. — Не хотите ли поехать ко мне?

Валери показала на толстую цепочку входной двери.

— Если я наложу цепочку, со мной ничего не случится.

— Но ни в коем случае никому не открывайте, — предупредил он.

Валери пообещала ему это, и Морис ушел.

Когда он вышел на улицу, движение стало еще более интенсивным. Он потратил около часа, чтобы добраться до предместья Сен-Мартин. По дороге он зашел в табачную лавку, чтобы купить сигареты. В последние дни он курил больше обычного. Он позвонил оттуда Изабель.

— Не жди меня к ужину, — предупредил он, — я приду поздно.

— Я уже об этом догадалась, — ответила она и язвительно добавила: — Ты, конечно, у своей Валери.

— Моя Валери, как ты любишь ее называть, уже дома, а я на пути в противоположный конец города, где у меня есть дело.

Через добрых полчаса он добрался до Больших бульваров. Найдя там стоянку для машин, он поставил ее и дальше пошел пешком. В предместье Сен-Мартин царила насыщенная жизнь. Начался морозящий дождь. Прохожие спешили. За закрытыми окнами переполненного кафе виднелись расплывчатые силуэты посетителей. В сумеречном свете казалось, что они сидят в аквариуме. Чем ближе подходил Морис к дому, тем больше он сомневался в целесообразности своего предприятия. Либо Пьер Кулонж невиновен и может объяснить загадку в двух словах, подобно случаю убийства в закрытой комнате, где был применен какой-нибудь простой трюк, либо он признается в плагиате и объяснит, как это случилось.

Но если Кулонж был Дюпоном? Если они оба были одним и тем же лицом? Морис остановился посередине тротуара, не обращая внимания на толкавших его прохожих. Почти немислимо было допустить такую неосторожность. Только сумасшедший мог так поступить. Ведь каждый мог вспомнить опасного убийцу, который год назад сам себе дал прозвище «Душитель». Многие газеты получали от него письма. Возможно, он похож на Дюпона, и он решил объявиться под давлением своего подсознания. Теперь рассуждения Мориса перешли в область криминалистики. Погруженный в размышления, он медленно продолжал свой путь. Может быть, в доме номер девяносто три предместья Сен-Мартин не окажется никакого Кулонжа?

Однако он был. Через полуоткрытую калитку Морис прошел в мрачный, неровно вымощенный двор. Кусок гофрированного картона закрывал окно консержки. Грохочущий шум телевизора перекрывал крики грудного ребенка.

«Сначала нужно будет спросить», — подумал Морис и постучал по картону.

Дверь открылась. Округлая женщина лет пятидесяти появилась на пороге и дружелюбно спросила:

— Что вам угодно?

— Мсье Пьер Кулонж здесь живет?

— Да, но он еще не пришел домой.

Морис достал из кармана монету, чтобы сделать женщину разговорчивей.

— Вы разрешите мне... — движением подбородка он указал на комнату.

— ...Подождать его у меня? — закончила фразу женщина. — Пожалуйста.

Она отступила и дала ему пройти.

У нее была пышная, но хорошо сохранившаяся фигура. В уголках ее очень живых маленьких глаз при улыбке появлялись морщинки, а волосы с проседью были стянуты на затылке. На ней

был дешевый, но очень чистый рабочий фартук и серая вязаная кофточка. В комнате было необычайно чисто.

— Он часто приходит домой поздно? — спросил Морис, чтобы поддержать разговор.

— Когда как. Он, наверное, скоро придет.

— Я слышал, что он писатель.

— Во всяком случае, он постоянно пишет, он даже переутомляется. Все это нездорово.

— Он любит свою работу? — спросил Морис.

— Ну, если бы он занимался только сочинительством...

Вдруг распахнулась стеклянная дверь, и в комнату вошел высокий сильный молодой человек. Ему можно было дать лет двадцать пять-тридцать.

— Добрый день, тетя! — звонким голосом сказал он.

Заметив Мориса, он смутился. Его маленькое лицо, обрамленное густыми каштановыми волосами, было хорошо очерчено. Тонкие черты лица плохо гармонировали с мускулистым телом. На полных губах и во взгляде его карих глаз был немой вопрос.

— Господин ожидает тебя, — сказала консьержка. Заметив, что Морис смутился, она прибавила, обернувшись к нему:

— Вы хотели говорить с моим племянником?

— Конечно, если он — Пьер Кулонж.

— Да, это я, — подтвердил молодой человек и снял плащ. — Мадам Брионне — моя тетя.

— Я рецензент при издательстве Фонтевро. — Морис предпочел не открывать своих карт. —

Сегодня после обеда я читал вашу рукопись.

— Мою рукопись? Какую?

— Я говорю о «Жертве».

Молодой человек непонимающе смотрел на него.

— Вы ее сегодня читали? У Фонтевро?

— Да, вы ее туда прислали.

— Нет, это сделала я, — призналась мадам Брионне с дружеской улыбкой.

— Что? Что ты сделала?

— Я отправила ее вчера после обеда.

— Не спросив меня? Ты с ума сошла!

— Но я же... я хотела сделать тебе приятное.

— Да это сумасшествие! — Кулонж очень разозлился.

— Что с тобой?

— Этого не следовало делать. Ты только скомпрометировала меня.

Его тетка готова была заплакать. Она повернулась к Морису.

— Он сам бы не решился.

Кулонж тоже обратился к посетителю, как к посреднику:

— Войдите в мое положение. Что бы вы сказали, если бы вы написали роман, и кто-нибудь, не спросив вас, отправил бы его в издательство?

— Разве у вас есть особые причины не предлагать его Фонтевро? — спросил Морис.

Кулонж пожал плечами и вынул из кармана пачку сигарет. Морис заметил, что настроение его изменилось.

— Если вы уже читали «Жертву»... — начал он.

Морису он показался вдруг юным. Теперь перед ним стоял робкий высокий юноша, со страхом ожидающий приговора.

— И как она вам?

— Это превосходный детективный роман.

— Превосходный детективный роман, — повторил молодой человек, словно не веря своим ушам. — И вы полагаете, что его можно публиковать?

— После небольшой обработки, наверняка.

У Кулонжа засияло лицо. Он радостно проговорил:

— Тетушка, что ты на это скажешь? Мой роман будет издан у Фонтевро!

Сложив руки, с восторгом на лице, мадам Брионне выслушала эту новость. Морис был сбит с толку и решил рубить сплеча.

— К сожалению, имеется одно препятствие, — заявил он. — Этот роман принадлежит Даниэлю Морэ.

В мгновение ока радость исчезла. Лицо Кулонжа омрачилось.

— Но ведь Морэ умер, — возразила мадам Брионне. — С этим ничего не поделаешь.

— Именно потому, что он умер, я и пришел сюда, — пояснил Морис. — Вы не улавливаете связи?

ГЛАВА 10

В тягостном молчании племянник и тетка объединились против Лателя.

— Неужели вы и в самом деле поверили, — продолжал Морис, — что я пришел сюда только для того, чтобы сообщить вам свое мнение о романе?

— Я так не думал, — ответил Кулонж. — Вы что, считаете меня круглым идиотом?

Он повернулся к мадам Брионне. Гнев его прошел.

— Итак, неудача. Но у Фонтевро так и должно было произойти.

Его тетка начала плакать. Он успокаивающе похлопал ее по плечу.

— Ну, это не так уж плохо.

К удивлению Мориса, совесть, казалось, его не мучила. Морис начал догадываться о правде.

— Так и должно быть, — с горечью проговорил Кулонж. — Если все время пишешь за других, то, естественно, мечтаешь когда-нибудь увидеть книгу под своим именем.

— Вы «Жертву» написали для Морэ?

— Конечно. Если бы вы этого не знали, вас, вероятно, здесь бы не было, — ответил Кулонж и с иронией добавил: — Лебединая песня Даниэля Морэ! Эта даровая находка для издательства. Нет лучшей рекламы, чем хорошее убийство!

«Итак, — думал Морис, — Кулонж, видимо, решил, что он пришел уговорить его остаться на этот раз, как и прежде, анонимным автором. Значит, Даниэль имел фактического автора, работающего на него, «писателя-призрака». Великий Даниэль Морэ не сам написал свои романы, самые удачные. Морис презирал подобные махинации и не мог простить этого Даниэлю. Он стыдился за него и был разочарован. Его дружба с Даниэлем была основана на совершенно фальшивых предпосылках.

— Когда я услышала по радио, что мсье Морэ умер, — объяснила мадам Брионне своему племяннику, — то сказала себе, что теперь он уже не сможет воспользоваться твоей книгой. Я решила, что наступил благоприятный момент попытаться тебе счастья. Поэтому я и взяла в твоей комнате рукопись, написала под заголовком твое имя и отправила ее в издательство.

Подробности подтверждались. Мадам Брионне, по-видимому, говорила правду. Морис был глубоко разочарован. Он приехал к Кулонжу, чтобы разоблачить его, как обманщика, а вместо этого нашел жертву грязных махинаций.

— Вы можете это доказать?

— Что? — спросил Кулонж.

— То, что являетесь автором «Жертвы»?

— Конечно. У меня наверху есть черновик рукописи.

Кулонж только теперь заметил, что не все в порядке.

— Но вы не пришли бы сюда, если бы не знали этого, — задумчиво проговорил он.

— Я не был уверен, — ответил Морис. — Вы неправильно меня поняли. Если «Жертва» действительно ваше произведение, оно должно выйти под вашим именем.

Кулонж теперь уже ничего не понимал.

— Кто вы, собственно говоря?

— Друг Даниэля Морэ. Он рассказал мне фабулу этого романа за несколько дней до смерти. Моя фамилия — Морис Латель.

— Латель... Критик и писатель?

— Да.

— Я всегда читаю ваши заметки в «Париж–Стопе», и у меня есть все ваши произведения, наверху в моей комнате. Я очень рад, честно, это для меня большая честь...

Кулонж запутался в своих излияниях, и Морис выручил его из неловкого положения.

— Покажите мне, пожалуйста, ваши черновики.

Они вышли из комнаты консьержки. На лестничной клетке пахло стиранным бельем. Перешагивая через две ступеньки, Кулонж извинялся перед Морисом:

— У нас не очень хорошо. Я все время живу здесь. Тетя меня вырастил а.

— У вас есть другая профессия?

— Я банковский служащий.

— Давно ли вы стали работать на Морэ?

— Уже четыре года. «Жертва» — уже шестой детективный роман, который он получил от меня.

«Шесть романов за четыре года — это почти половина того, что появилось за это время под фамилией Морэ».

— Я всегда оставляю черновики. Они все у меня в сохранности.

Комната была такая тесная и маленькая, что между кроватью и шкафом оставалось место только для письменного стола, на котором стояла пишущая машинка.

«На ней он, вероятно, и напечатал ‘Жертву’», — подумал Морис и отодвинул стул, чтобы протиснуться между кроватью и столом.

Состояние, в котором находился шрифт, подтвердило его предположения. Кулонж балансировал на табурете, роясь в коробке, стоявшей на шкафу. Не поворачиваясь, он протянул Морису клеенчатую тетрадь.

— Пожалуйста.

Это была толстая ученическая тетрадь, страницы которой были исписаны четким почерком. Поправки и замечания на полях, равно как и вставки на вклеенных листах, убедили Мориса, что это настоящий черновик.

— А здесь — другие, — сообщил Кулонж и положил на стол пять пыльных тетрадей.

Морис полистал их. Это действительно были черновики пяти романов, шедших под именем Морэ. Романы эти, благодаря своей оригинальности, повсеместно пользовались успехом.

Даниэль ограничился тем, что просто перепечатывал на электрической пишущей машинке те рукописи, которые давал ему фактический автор, работающий на него. При этом он только заменял слова или фразы.

— Каким образом возникло ваше соавторство? — спросил Морис.

— Морэ был клиентом в банке, где я работал. Когда был написан мой первый детективный роман, я, естественно, не знал, годится ли он. Как-то я собрал все свое мужество и поговорил с Морэ. Я тогда уже читал его.

Морис и Кулонж сидели рядом на кровати. В комнате было довольно холодно.

— Когда дней через восемь я увидел Морэ, он сказал, что мой роман хорош, но все же имеет много погрешностей, устранить которые может только специалист. Он объяснил мне, что нет смысла посылать его в издательство, а затем предложил продать роман ему. Я, конечно, был счастлив.

Морис вытряхнул из пачки сигарету. Он внимательно слушал. Кулонж закурил новую сигарету.

— И потом я все время работал на него.

— Сколько же он вам платил?

— Тысячу франков за книгу, если содержание составляло триста страниц. А за те, которые были экранизированы, — гордо добавил Кулонж, — он добавлял мне по тысяче!

Морис был удивлен, что молодой человек не имел понятия о том, как гнусно он был использован. Что такое тысяча или две тысячи франков, если Даниэль получал за экранизацию много сотен тысяч франков!

— Вы не пробовали освободиться от него? — спросил Морис. — Или хотя бы раз опубликовать под своим именем что-либо?

— Пробовал два года назад. Чтобы не быть некорректным, я предупредил его об этом.

«Чтобы не быть некорректным! Слышать теперь такое выражение в связи с Даниэлем было, по меньшей мере, странно», — подумал Морис.

— И он вас, конечно, обескуражил?

— Да, но по ряду различных причин. Он сказал, что неизвестному автору очень трудно найти издателя. Кроме того, я узнал, что Фонтевро вообще не имело дела с незнакомыми авторами. А если мою рукопись не примут, то он, естественно, не сможет ее купить. Если я захочу слишком много, то я могу потерять все. Но за исключением этого, — Кулонж сделал покорный жест, — за исключением этого все было хорошо.

— И никто из ваших друзей не говорил вам, что стоит попытаться собственными силами?

— Кроме моей тети никто не мог мне посоветовать. Морэ предупредил, что я никому не должен об этом говорить. А моей тете все равно, как я пишу, она в любом случае будет считать меня гением. Вы же убедились, что она все сделала тайком от меня?

— Не упрекайте ее. Ее надо благодарить за то, что, по край ней мере, одна ваша книга выйдет под вашим именем.

— Под моим именем? Наряду с вашими книгами?

Пьер Кулонж не мог поверить своему счастью.

— Значит, не все пропало?

— Да.

Но, говоря это, Морис думал совсем о другом. Несколько лет назад он познакомился с человеком, которого ценил за его честность, откровенность и душевные качества. Морис был связан с ним искренней дружбой. А смерть уничтожила не только его самого, но и все фальшивые представления, какие Морис о нем составил.

— Почему его убили?

Вопрос Кулонжа заставил Мориса вздрогнуть.

— Кто тот парень, который изображен в газетах? — продолжал спрашивать Кулонж.

Морис не имел намерения довериться Кулонжу и уклончиво дал понять о своем неведении. Он не хотел больше говорить ни о Даниэле, ни о его смерти, ни о его жизни.

Внезапно он почувствовал себя очень плохо.

Они молча спустились по лестнице, и когда вошли в комнату консьержки, Морис заметил, что мадам Брионне беседует с какой-то квартиранткой. Обе женщины стояли к нему спиной.

Потом женщина, беседовавшая с мадам Брионне, повернулась, и Морис увидел ее профиль.

Оставив изумленного Кулонжа, Морис бросился в комнату.

ГЛАВА 11

— Что вы здесь делаете, Валери?

Та удивленно посмотрела на него. Казалось, что его вопрос удивил ее больше, чем его присутствие в этом доме.

— Это вас нужно спросить, — ответила она, бросив любопытный взгляд на Кулонжа, который не спеша вошел в комнату вслед за Морисом. — Вы же звонили мне.

— Что?

— Вы же позвонили мне и сказали, что я должна приехать сюда.

— Ничего подобного.

По знаку своего племянника мадам Брионне тихонько вышла. Кулонж последовал за ней и закрыл дверь.

— Между прочим, вы знаете мой голос, — сказал Морис.

— Но не по телефону. К тому же, вы говорили очень тихо, а мне мешал шум в кафе.

— В кафе? Значит, вы еще раз выходили из дома?

— Нет, не выходила. Это вы звонили мне из кафе.

Можно действительно выйти из себя. Морис попытался взять себя в руки.

— Итак, лучше все по порядку. Когда был звонок?

— Примерно через полчаса после вашего ухода. Вы сказали, дословно: «Пожалуйста, приезжайте скорее к Пьеру Кулонжу, в предместье Сен-Мартин. Дом номер девяносто три. Я буду вас там ждать».

— Вам знакома эта фамилия?

— Нет.

— И, несмотря на это, вы приехали?

— Вам, видимо, было нужно срочно.

— Это очень легкомысленно с вашей стороны.

— Я все же доверяю вам.

— Но ведь я не звонил! — воскликнул Морис. — С вами разговаривал кто-то другой.

«Да, это мог быть только Дюпон, — подумал он. — Но зачем, зачем он послал сюда Валери?»

На этот вопрос он не мог ответить. Он попытался проанализировать события. Дюпон проследил за ним до предместья Сен-Мартин, потом увидел, что он вошел в дом номер девяносто три, и понял, что Морис пошел к Пьеру Кулонжу. Значит, Дюпону было известно о связи между Морэ и Кулонжем. Он был о нем так же хорошо информирован, как и о Валери, и как, вероятно, о своей будущей «Жертве».

Валери, сама того не ведая, привела сейчас важные доказательства. Возможно, то же самое относится и к Кулонжу?

Молодой человек курил и ходил перед домом. Морис жестом попросил его вернуться. В комнате консьержки он познакомил Пьера с Валери.

— Наша общая с Морэ знакомая, — не совсем правдиво объяснил Морис. — Соавтор Даниэля. Он живет со своей тетей.

— Она пошла к соседке, — сказал молодой человек, немного смущенный присутствием Валери.

Морис, как мог, объяснил ему, о чем шла речь.

— Если я этого парня уже видел, — сказал Кулонж, выслушав Мориса, — то я, конечно, узнаю его по портрету в газете.

— Возможно, он знает о вас со слов вашей тети. Она уже читала вечерний выпуск?

— Обычно она покупает только утренние газеты.

В вестибюле снова послышался стук женских каблуков. С растрепанными волосами и полными страха глазами в комнату консьержки ворвалась Изабель. Она бросилась в объятия к отцу.

— Папа! Ты не болен?

С медицинской сумкой в руках и с серьезным видом за ней следовал Жан-Люк.

— Не надо волноваться, — сказал он.

Но вокруг себя он видел не взволнованные, а совершенно озадаченные лица.

— Все в порядке, все в порядке, — успокаивал Морис дочь, прижимая ее к себе.

— Я так боялась за тебя, — слабым голосом проговорила Изабель. Она вся дрожала.

— Но со мной ничего не случилось.

— Я осмотрю вас, — сказал Жан-Люк, не желавший отказаться от своей миссии спасителя человечества. — Последствия несчастного случая обычно обнаруживаются спустя время.

— Последствия несчастного случая? — повторил Морис. — Вам сказали, что со мной произошел несчастный случай?

— Да, нам позвонили.

Итак, трагикомедия продолжалась: Изабель с Жан-Люком на Улице Кошуа репетировали сцену на балконе, когда зазвонил телефон. Мужской голос, большего Изабель не могла сказать, сообщил ей, что с ее отцом произошел несчастный случай в предместье Сен-Мартин. Ее вызвали, а его внесли в комнату консьержки.

— Затем трубку положили. А я чуть не упала в обморок. Слава богу со мной был Жан-Люк.

— По счастью, со мной была машина. Благодаря этому мы смогли быстро приехать.

Жан-Люк недоверчиво посмотрел сначала на Валери, потом — на Кулонжа.

— Если это какая-нибудь шутка, то я должен считать ее пошлой.

— С мадемуазель Жубелин поступили точно так же, — сказал Морис. — Она тоже только что приехала.

Какую цель преследовал убийца таким, казалось бы, бессмысленным образом действий? Хотел ли он просто позабавиться? Или же хотел доказать, что он вовсе не обречен на пассивность? А может быть, его поступок был каким-то эффектным шахматным ходом, мотивы которого еще не ясны?

Тема разговора истощилась. Каждый чувствовал себя не в своей тарелке.

— Нам все же не следует пасовать перед этим парнем, — энергично заявил Жан-Люк.

Пьер Кулонж поддержал его:

— Этого он, вероятно, и стремится добиться.

Но это тоже не было логическим объяснением. Чтобы рассеять тревогу безмолвно стоявших женщин, Морис сказал:

— Надо сейчас же поставить в известность Фушероля.

Валери с сомнением посмотрела на него и показала на часы, стоящие на буфете. Было 21 час 22 минуты.

— Криминальный комиссар все двадцать четыре часа находится на посту, — ответил Морис. — У меня есть номер его домашнего телефона. Откуда здесь можно позвонить?

— Напротив есть пивная, — ответил Кулонж.

— Побудьте здесь, я скоро вернусь, — сказал Морис.

В высоком сводчатом вестибюле эхо повторило его шаги. Выйдя на улицу, он глубоко вздохнул, наслаждаясь свежим воздухом. Уличное движение затихло, многие учреждения были уже закрыты. На другой стороне, перед ярко освещенными окнами быстро стояла машина Жан-Люка, словно выпрыгнувшая из юмористической книжки. Морис пересек улицу. Он уже хотел открыть дверь быстро, как вдруг заметил черный «Пежо», проехавший мимо него. У машины был номер 9082-У-75. Морис замер, ожидая, что в следующий момент что-то произойдет. «Пежо» замедлил ход и остановился возле дома номер девяносто три. Задняя правая дверка открылась, и из нее вылезла массивная фигура комиссара Фушероля. Он поспешил к воротам дома и быстро скрылся в темноте. Машина поехала дальше. Торопливыми шагами Морис вернулся в дом. Он догнал комиссара, когда тот входил в дверь консьержки.

— Ну, что здесь случилось? — проворчал он и повернулся к Морису, добавляя: — Разве дело настолько важное, что нужно было вызывать меня?

— Я могу только сказать, что не вызывал вас, — ответил Морис.

Комиссар удивленно посмотрел на него, потом принял надменный вид.

— Отвечайте, мсье Латель, — приказал он. — Вы позвонили мне и попросили как можно скорее приехать, да или нет?

Валери со вздохом опустила на стул. Изабель нервно улыбнулась. Комиссар насупился, и лицо его покраснело.

— Я попросил бы не смеяться надо мной, — резко сказал он.

— Прикажете это лучше Дюпону, — сказал Морис.

В этот момент появилась мадам Брионне. Она вошла так же тихо, как и выходила. Своими зоркими глазами она тотчас же заметила в почтовом ящике конверт.

— Недавно этого еще не было, — заметила она.

На конверте не было ни адреса, ни фамилии, и он не был заклеен. Это была страница из «Криминалистики», на которой помещалось интервью с Даниэлем Морэ. Бросалась в глаза набранная жирным шрифтом фраза:

«УБИЙЦА НЕИНТЕЛЛИГЕНТЕН».

Слово «убийца» было подчеркнуто, а сверху крупными буквами было написано «полицейский».

ГЛАВА 12

Тусклый сумеречный свет наполнял комнату. Изабель с Жан-Люком уже в десятый раз слушали магнитофонную запись с «Сирано». Вторая половина дня проходила уныло. Милорд вылизывал свои нежные лапки розовым языком. Нельзя было сказать, что серьезный голос Жан-Люка, доносившийся из динамика, был неприятным, но все же он совсем не подходил к образу Сирано, равно, как и Пердикана. Морис закрыл дверь своего кабинета.

За прошедшие три дня Дюпон никак не проявил себя. Вероятно, тому причиной было распространение его портретов во Франции и в пограничных с ней странах. Таково, по крайней мере, было мнение Фушероля. Его отдел был буквально затоплен присланными сообщениями, и все его сотрудники занимались их проверкой.

— Послушайте, — сказал комиссар Морису, когда тот сетовал на медленное выяснение дела, — здесь все происходит не так, как в ваших детективных романах. Для нашей профессии прежде всего нужно терпение.

Недавняя удивительная история не обескуражила его.

— Идиотская выдумка безумного, который играл с огнем, — сказал он.

Морис не мог полностью разделить его мнение. Конечно, Дюпон — сумасшедший, но разве, несмотря на это, не проявлял он все время удивительную осмотрительность и логику?

«Дюпон был из тех безумцев, которые на первый взгляд кажутся нормальными», — писал Даниэль.

«Окровавленный безумец», — называли газеты Дюпона. Они до сих пор на первой странице помещали статьи о случившемся с Морэ.

Фушероль теперь не считал нужным держать в тайне ранее замалчивающиеся обстоятельства дела. Теперь общественность была информирована обо всем. Рукопись Даниэля появилась в печати. Один психиатр поставил диагноз и объявил убийцу шизофреником, а еженедельники перепечатывали интервью из «Криминалистики». Морис Латель, «критик и выдающийся автор детективных романов», тоже не был забыт. В архивах были найдены старые фото, на которых он вместе с Даниэлем присутствовал на приемах и коктейлях. Благодаря этому Морис попал в центр внимания общественности. Фонтевро торопило его: просили поскорее закончить находящийся в работе роман, чтобы заработать на бесплатной рекламе. Со всех сторон к нему сыпались заказы на статьи, но он не очень интересовался этой работой. Когда он писал, его мысли постоянно отвлекались. Он начинал думать о Даниэле, Кулонже, Дюпоне, Фушероле и чаще всего — о Валери. Теперь они виделись каждый день. Под предлогом защиты Валери он встречал ее после работы в шесть часов и шел с ней ужинать. Казалось, что ресторан он выбирал случайно, но на самом деле он тщательно обдумывал выбор. Затем он ехал с Валери домой и некоторое время проводил в ее обществе. Его визиты изо дня в день становились более продолжительными. Накануне он часами молча наблюдал, как она рисовала. Они все больше сближались друг с другом. Морис был счастлив, что Валери, по ее словам, не любила Даниэля.

— Да, мой друг, — сказал он Милорду, — таковы наши дела.

Кот прыгнул на свое любимое кресло и, обосновавшись там, внимательно прислушивался к словам хозяина. Зазвонил телефон.

— Хелло, Латель?

— Да.

— Это Фушероль. Вы мне нужны. У вас есть сейчас время?

— Да.

— Не могли бы вы сейчас подъехать к полицейскому участку во Вьевр?

— Охотно приеду. Вы уже там?

— Нет. Но сейчас выезжаю туда.

— Есть что-нибудь новое?

— Я все расскажу вам на месте.

Комиссар положил трубку. Морис был в страшном возбуждении. Очевидно, опять что-то произошло. До шести часов оставалось уже не так много времени, и на свидание с Валери он

сегодня не успеет. Морис позвонил ей на работу и сообщил об этом. Через несколько минут он уже ехал в машине. Из-за облачного неба сумерки, казалось, наступили раньше.

Круглая лампа матового стекла, похожая на белую конфетку, приклеенную к потолку, освещала мрачную комнату участка. Трехцветный плакат на стене призывал молодежь идти на службу в полицию. Лейтенант полиции предложил своим посетителям два удобных стула, а сам, со знанием своей значимости, сел за письменный стол.

— Здесь у меня результаты нашего расследования, — сказал он, хлопнув по папке. — Они в вашем распоряжении.

Фушероль прибыл сюда незадолго до Мориса и еще не успел ознакомиться с документами. С недовольным видом он сказал офицеру:

— Сначала сделайте краткий обзор.

— Расследование производилось до июня прошлого года. Точнее, до двенадцатого июня.

Точность, казалось, была неотъемлемой частью и свойством этого полицейского, который перед разговором, вероятно, внимательно просмотрел эти документы.

Пятнадцать месяцев назад, в воскресенье, после обеда во Вьевре случилось происшествие, взволновавшее весь округ. Некий Давид Шнеберг был убит на своей вилле около реки. Шестидесятилетний старик был владельцем кожевенного дела на площади Оперы в Париже. Со времени смерти жены он жил в одиночестве. Девушка-прислуга нашла его труп в понедельник утром.

— Девушка не жила в его доме?

— Жила. Но по воскресеньям она всегда уезжала к своим родственникам в Сен-Уан. Алиби было в порядке.

— Время преступления?

— По мнению судебного врача, в воскресенье между четырнадцатью и восемнадцатью часами.

— Орудие убийства?

— Тупой предмет, которым пробит череп.

— Что за предмет?

— Он не найден.

— Мотив?

— Неизвестен.

Вопросы Фушероля были краткими и немногочисленными. Они касались только существа дела. Комиссар предстал перед Морисом совершенно в ином свете.

«Почему, собственно говоря, он просил меня приехать?» — подумал Морис. Оба случая, казалось, не имели ничего общего. Он не нашел ответа на этот вопрос и был вынужден ограничиться ролью слушателя.

— Что-нибудь было украдено? — спросил Фушероль.

— Это не было установлено. Давид Шнеберг сам вел свои дела. Каждое утро он уезжал в Париж, а вечером возвращался во Вьевр. Возможно, он хранил у себя ценные вещи и крупные суммы денег, но этого никто не знал.

— Его знакомые?

— Он жил замкнуто и не имел друзей.

— Любовницы?

— Не было. После смерти жены он больше предпочитал выпивку.

— Подозреваемые?

— Свидетель видел поблизости неизвестного за рулем «Ягуара». Опознать его не удалось.

Разведя руками, полицейский выразил свое сожаление:

— Убийство все еще не раскрыто.

Фушероль иронически посмотрел на Мориса.

— Совершенно идеальное убийство или случайное стечение обстоятельств, благоприятных для преступника? Либо речь идет об особо интеллигентном убийце, либо ему просто повезло? В связи с этим случаем можно возобновить спор между убийцей и Морэ.

Морис промолчал. Лейтенант вежливо улыбнулся.

— Хорошо, — пробурчал Фушероль. — Ну, перейдем к свидетелю.

— Маноло Саншец, тридцати семи лет, испанский подданный, по профессии каменщик, проживает во Вьевре, — читал протокол лейтенант. — Женат, четверо детей, репутация хорошая. Здесь его показания, которые он дал в день обнаружения преступления.

Комиссар бегло просмотрел бумагу, отпечатанную на машинке, и протянул ее Морису.

— Прочитайте это.

Показания Маноло Саншеца, сформулированные и записанные участковым полицейским, были сухими и бесстрастными.

«В воскресенье, двенадцатого июня, я вскапывал свой огород, расположенный на улице Ферье. В шестнадцать часов, когда работа была закончена, я сел на свой мотоцикл. Мне надо было заправиться горючим, и я поехал на заправочную станцию на улице Сакле. Когда я туда приехал, там заправлялся красный 'Ягуар'. Я очень интересуюсь спортивными автомобилями, а этой марки еще не видел. Ожидая своей очереди, я осмотрел машину. Я не обратил внимания на номер, но помню, что машина была парижская, так как номер заканчивался цифрами 75. Машиной управлял мужчина, и он сидел в тот момент за рулем. Я заправился и пошел в кафе. Там я находился около получаса, не больше, затем поехал домой. Когда я проезжал мимо дома Давида Шнеберга, то я еще раз увидел 'Ягуар'. Он стоял поблизости от ворот сада, и в нем никого не было. На заправочной станции я, правда, видел водителя, но не могу его описать. Если мне покажут его фото, то я его определенно узнаю».

— И он узнал его?

Полицейский кивнул.

— Да. Узнал вчера в газете. Саншец — поблизости. Позвать его?

— Да, и сейчас же, — ответил Фушероль и поднялся.

Полицейский подошел к двери и крикнул:

— Маноло Саншец!

В комнату вошел темноволосый мужчина с мохнатыми бровями и обветренным лицом. На нем была тесная праздничная одежда.

— Саншец, — сказал лейтенант, — расскажи, пожалуйста, комиссару то, что ты вчера вечером говорил мне.

Испанец с серьезным видом развернул газету, которую держал в руке, положил ее на письменный стол и проговорил с сильным испанским акцентом:

— Мужчина в «Ягуаре» был — вот этот!

Толстым опухшим пальцем он показал на портрет Даниэля Морэ.

ГЛАВА 13

Если бы флаг на плакате вдруг заколыхался на ветру, то Морис удивился бы не больше.

— Это был он! Я могу в этом поклясться! — уверял Саншец. Испанцу сказали, что он больше не нужен, и он покинул кабинет, исполненный достоинства. Он был вполне уверен в своем заявлении.

Комиссар закурил сигарету.

— Ну, Морис Латель, как вы это объясните?

Морис вообще ничего не мог объяснить. Его мозг просто не работал. Не появившись в газете сообщения о смерти Даниэля, каменщик, вероятно, никогда бы не увидел его портрета. Таким образом, убийство Даниэля дало возможность выявить его связь с другим убийством, случившимся более года назад.

— Может быть, поэтому он в своих книгах всегда убивал? — предположил полицейский.

— Нелепость! — возразил Морис. — Разве не мог этот Саншец ошибиться? Возможно, здесь просто путаница?

— Речь идет не только о водителе, — сказал Фушероль, — но и о самой машине.

— Вот именно. Морэ ездил на «Триумфе».

— «Триумф» он приобрел за пять месяцев до своей смерти.

Комиссар перешел на свой обычный тон.

— Неужели вы не помните, какая у него была машина прежде?

Морис подумал и ответил:

— Да, действительно, у него был «Ягуар».

— А какого цвета?

— Красного.

— Ну вот! А красных «Ягуаров» у нас здесь не так уж много.

Цвет, марка машины и личность водителя больше не вызывали сомнений.

— Кроме того, «Ягуар» стоял вблизи виллы Шнеберга около семнадцати часов, — сказал полицейский. Он посмотрел для уточнения в протокол и продолжал: — Давид Шнеберг был убит между четырнадцатую и восемнадцатую часами. Удивительно, не правда ли?

Морис почувствовал себя в мире Кафки. Обвиняемым вдруг стал не Дюпон, а его жертва.

— Но Морэ ведь тоже был убит, — сказал Морис.

— Через пятнадцать месяцев после того, как он убил Шнеберга.

— Все это еще не доказывает, что Морэ был преступником.

— Согласен. Пока что приходится ограничиваться нашими предположениями. Но их следует тщательно проверить.

— Разве есть какая-нибудь связь между двумя случаями?

— Неужели личности Морэ вам недостаточно?

Даже абсурд имеет свою логику, но Морис не был этим удовлетворен. Бросающийся в глаза «Ягуар» сперва стоит на заправочной станции, затем — перед домом, где произошло убийство. Все это совершенно не указывало на хорошо продуманное убийство.

— Это все равно, что написать на дощечке «Я — убийца» и расхаживать по улице, повесив ее себе на грудь, — сказал Морис.

— Речь может идти о неумышленном убийстве, — возразил полицейский. — Он мог совершить убийство в состоянии аффекта. Сначала он мог не иметь злого умысла, и поэтому у него не было причин оставаться неизвестным. Затем возникла ссора, и случилось худшее.

— Для этого у Морэ тоже должна была быть причина, — возразил Морис. — Но из-за чего?

— К сожалению, он нам теперь не может рассказать. И Шнеберг тоже не может, — сказал Фушероль.

— Остается только Дюпон, — проворчал Морис.

— По крайней мере, мы знаем его мотив.

— Согласен с вами, — кивнул полицейский.

— Разумеется, из рукописи, которую вам оставил ваш друг.

Он взял с письменного стола свой портфель и вынул из него два экземпляра рукописи в фотокопиях.

— Вот это вам, как я и обещал.

Морис с благодарностью взял ее. Фушероль открыл свой экземпляр на загнутой странице и продолжал:

— Здесь есть еще одно место, о котором я хотел с вами поговорить. Во время дискуссии между Морэ и Дюпоном последний приводит возможные мотивы убийства. Я вам прочту это место:

«Оноре Дюпон, задумчиво смотревший на кучевые облака, повернулся к нему. На его лице играла загадочная улыбка.

— У всякого человека есть хотя бы один смертельный враг, хотя он, возможно, и не подозревает об этом.

— У меня определенно нет.

— Хотя он, возможно, и не подозревает об этом, — с нажимом повторил Дюпон. — Может быть, я и есть тот смертельный враг. Я могу завидовать вам или ревновать вас».

Фушероль сделал паузу и, откашлявшись, продолжал:

— А если действительно какая-то женщина была связана с этими двумя убийствами, женщина, которая подействовала, как детонатор, возможно, что Морэ этого не знал...

Комиссар еще раз процитировал слова Дюпона:

«Однако кто-нибудь может иметь скрытый мотив, о котором никто ничего не знает».

Морис пожал плечами.

— Не стоит придавать большого значения болтовне сумасшедшего.

— Не известно, что имел в виду сумасшедший, — сказал комиссар. — Женщина, о которой идет речь, возможно, не знала, что оказалась причиной двух убийств.

— Но вы же не думаете всерьез о Валери Жубелин? — спросил Морис. — Она познакомилась с Морэ всего за три месяца до его убийства. Об этом тоже упоминается в рукописи.

— Да, и она была замужем за Дюпоном или за кем-то еще, — подтвердил комиссар с насмешливой улыбкой. — Можете не беспокоиться о молодой даме, не о ней идет речь. В это время в жизни Морэ была другая женщина.

У Мориса камень с души свалился.

Полицейский офицер, не знавший о ком они говорят, кивнул с важным видом. Теперь Фушероль решительно двигался к своей цели. Он не верил, что Латель на самом деле ничего не знал о любовных связях своего друга.

— Если он на самом деле был такой скрытный, — недоверчиво проговорил Фушероль, — то этим он только облегчил положение убийцы.

— Я бы вам охотно помог, если бы знал, — уверял Морис.

— Тогда ответьте мне совсем откровенно.

— Я всегда так поступаю.

— Поскольку у нас нет имени, — вздыхая, сказал комиссар, — мы вынуждены опираться на косвенные доказательства. Здесь есть одно письмо, которое мы нашли у Морэ. Оно завалилось за выдвижной ящик.

Он развернул розовое письмо.

— Письмо датировано седьмым июня, за пять дней до убийства Шнеберга. Может быть, вам известен почерк?

Это было письмо женщины. Две страницы его содержали любовные уверения. Их откровенность не оставляла никаких сомнений в отношении характера их связи. Писавшая письмо называла себя «Твоя Изольда», а возлюбленного — «Мой Тристан».

— Ну? — спросил Фушероль.

— Не имею никакого понятия.

Фушероль не мог удержаться от жеста досады.

— Очень жаль, что я затруднил вас просьбой приехать сюда, — сказал он.

Морис усмотрел в этом приглашение попрощаться и последовал ему.

— Если я вам больше не нужен...

Морис пожал толстую руку Фушероля, затем удостоился крепкого рукопожатия лейтенанта и покинул участок. Он быстро пошел к машине, включил фары и поехал. Когда дома Вьевра остались позади, он вдруг почувствовал себя плохо и, подъехав к тротуару, остановился. Опустив голову на баранку, он закрыл глаза. Сердце стучало тяжелыми ударами, но душевная боль была куда тяжелей. Он сам не мог понять, как ему удалось солгать, скрыть свое волнение, как он справился с этим и остался внешне спокойным в то время, как весь мир обрушился перед ним. Как это случилось, что рука его не дрогнула, когда он читал письмо, каждое слово в котором было словно удар кинжалом в сердце? Угловатый, еще совсем детский почерк с сильным нажимом...

Изабель! Моя малышка, как ты могла пойти на это?.. Его глаза горели. Нет, он не должен плакать. Морис выпрямился. Даниэль, который с таким доверием был принят в его доме, которому он верил, как самому себе, этот Даниэль воспользовался наивностью и глупостью молоденькой девушки...

— Да, наивностью глупенькой молодой девушки.

Теперь гнев вытеснил из его сердца печаль, но не смягчил боли.

— Ну, подлец! Ну, подлая свинья! — Морис включил зажигание и помчался. Он ехал, как безумный, ему просто доставляло удовольствие на каждом перекрестке рисковать жизнью. В Мендон-ла-Форе пошел дождь, и дорога стала скользкой. Но Морис, пригнувшись к рулю, не обращал на это внимания. Все быстрее и быстрее мчался он домой, словно опьяненный скоростью. Однако уличное движение становилось все более интенсивным. После Севрского моста, когда он въехал в черту города, ему пришлось волей-неволей снизить скорость.

Так как гнев не находил больше отдушины, возбуждение вновь охватило его. Бешенство бурлило в нем, словно в закрытом котле. Морис проехал на красный свет и не обратил внимания на полицейского, засвистевшего ему вслед. Наконец, он прибыл на улицу Кошуа. Он бегом промчался по саду и, перепрыгнув через ступеньки, взбежал по лестнице.

— Изабель!!!

Она сидела в комнате и перелистывала иллюстрированный журнал. Жан-Люка не было.

— Скажи мне, что это неправда!

— Что, папа?

Она посмотрела на него невинными голубыми глазами. Он помедлил, потом мысленно представил себе слова письма.

— Ты и Даниэль... «Мой Тристан»... «Твоя Изольда»?..

Испуг на ее лице сказал ему, что он не ошибся.

— Ты была его любовницей?

Изабель встала. Лицо ее залилось краской, но она не опустила глаз.

— В конце концов, я с ним порвала.

— Как ты посмела дойти до этого? В твоем возрасте! Тебе не стыдно?

— Мне девятнадцать лет, — ответила она агрессивным тоном.

— Тебе не было и восемнадцати! Он годился тебе в отцы!

Чудовищность этой связи потрясла Мориса.

— Почему ты это сделала? Почему?

— Все это уже кончилось, — сказала она и отвела взгляд. — С этим давно покончено.

— С тех пор, как он познакомился с Валери?

— Да.

— Значит, вы с ней могли бы обменяться опытом?

Говоря это, Морис чувствовал горький привкус во рту. Ему стало ясно, что он слишком далеко зашел, но хватило сил овладеть собой. Он был такого высокого мнения и чистых мыслей о своей дочери! Она была для него воплощением чистоты, и тем сильнее стала горечь разочарования. Он схватил Изабель за плечи.

— Я хочу знать все, — потребовал он, — все...

Он не видел, как на ее глазах выступили слезы, он не хотел смотреть на нее.

— Сколько времени это продолжалось?

— Пять месяцев.

— Говорил он тебе о женитьбе?

— Нет.

— И ты, несмотря на это... Свою... свою... — он не находил слов. — Ты вела себя как... как...

— Как дура, — закончила Изабель невыразительным голосом. — Да, как дура.

— Значит, ты его сильно любила?

— Да, тогда мне так казалось, но потом я поняла, что это были только пустые обещания.

— Какие обещания?

Морис так сильно сжал ей руки, что она застонала.

— Ты же говорила, что он не обещал на тебе жениться. Что же тогда?

— Ах, папа...

— Отвечай!

Он безжалостно усилил нажим на ее запястья.

— Отвечай, черт возьми!

Она высвободила свои руки, словно обвиняемая, у которой застарелый страх перед судьбой возбудил силы к сопротивлению, и воскликнула:

— Если тебе так хочется знать, он обещал мне роль Мерилин в «Большом ударе»!

— И потому... что он собирался дать тебе роль, ты с ним спала?!

Изабель почувствовала, что зашла слишком далеко, и запротестовала:

— Нет, совсем не потому.

— Значит, ты, как многие другие, маленькая потаскушка, больше ничего!

Он замолчал и дал ей пощечину. С раскрытым ртом и широко распахнутыми глазами Изабель застыла перед ним. От удара ей скорее было стыдно, чем больно. Ее еще ни разу не били.

— Папа!

Она заплакала и выбежала из комнаты, и Морис услышал, как сразу же хлопнула входная дверь. Он простонал, как пьяный:

— Потаскуха! Потаскуха!

Милорд осторожно высунул голову из-под комода, под который забился во время ссоры. Затем, как обычно, он последовал за хозяином в кабинет и лег на ковер в углу. Взволнованный Морис ходил из угла в угол. Человек умер, а неприукрашенная правда брызжет, как жидкая грязь, из гроба и пачкает все, что находится вблизи. Лучший друг оказался бесхарактерным подлецом, а его собственная дочь... Почему бы не с Жан-Люком?

Эта мысль была невыносима Морису.

— Ты единственная верная душа, Милорд.

Кот замурлыкал, подошел и стал тереться о ноги хозяина. Морис поднял его, сел в кресло и посадил животное на колени. Он погладил его мягкую шерсть, приятное тепло передалось ему, и возбуждение постепенно прошло. На смену чувству слепого гнева к нему возвратилась способность рассуждать. Он стал думать о мадам Морэ и стал спрашивать себя, нет ли у него чего-нибудь общего с этой эгоистичной женщиной, не пожелавшей разрешить сыну жить его собственной жизнью. Правильно ли было вообще считать Изабель ребенком? Может быть, ей пришло время жить своей жизнью, вместо того, чтобы оставаться плохой дочерью? Разве он не должен был утешить ее, а не вести себя подобно ревнивому любовнику? Я — ревнивый? Вот здорово! Раздираемый противоречивыми чувствами, Морис неподвижно сидел в кресле. Наконец Милорд вывел его из задумчивости дружеским ударом лапы. Который сейчас час? О Валери он вообще больше не думал. Морис встал, и ноги его свела судорога. Он сделал несколько осторожных шагов, чтобы размять застывшие члены. Поискав в кармане сигареты, он вынул фотокопию рукописи Даниэля и положил ее на письменный стол. При этом он увидел на столе несколько писем, пришедших с вечерней почтой. Он замер. На одном конверте имя и адрес были написаны большими красными буквами. Дрожащими пальцами он разорвал конверт. Оттуда выпал лист бумаги. Почерк был такой же, как и на других анонимных письмах. Те же чернила. Тот же лаконичный стиль:

«ИЗАБЕЛЬ ДОЛЖНА ПОПЛАТИТЬСЯ»

Почему Изабель? Из-за того, что она была любовницей Даниэля? Значит, она что-то знала об убийстве во Вьевре? Из-за того, что отец уведомил полицию?

— Изабель должна поплатиться, — произнес Морис и сам испугался звука своего голоса.

Ужас охватил его и вытеснил прочь все заботы и гнев.

— Изабель, моя малышка!

Он бросился в ее комнату, но она была пуста. Пуста, как и вся квартира, в которой он напрасно выкрикивал ее имя. И это была его вина, что Изабель выбежала в ночь, где сумасшедший убийца подстерегал ее!

ГЛАВА 14

Морис сбегал вниз по лестнице и бросился в темный сад.

— Изабель! Где ты? Отзовись!

Он выбежал на улицу, к машине. Улица Кошуа была безлюдна. С площади Пигаль доносился шум ночной жизни. Почти больной от страха, Морис вернулся домой. Как долго отсутствовала Изабель? После незаслуженной пощечины он не нашел для нее более подходящего названия, чем... Изабель убежала к себе в комнату и захлопнула дверь. Но, может быть, хлопнула дверь не ее комнаты? Возможно, это ему только показалось? Теперь он припоминал, что ему послышалось тихое звяканье ключей. Да, это звякнула связка ключей, которая торчала с внутренней стороны входной двери. Значит, Изабель отсутствовала уже добрых полтора часа. Где она могла быть? Куда она ушла? Где ее найти? Вероятно, у нее свидание, и если так, то она с Жан-Люком. Морис нашел его телефон в телефонной книге. Жан-Люк подошел к телефону.

— Мы были вместе до семи часов, — сказал он. — Почему вы обеспокоены этим?

— Получено письмо с угрозой.

Наступило молчание. Казалось, будто по соединяющим этих людей проводам пронеслась волна одинаковых чувств.

— Вот подлец! — воскликнул Жан-Люк. Но его юношеский оптимизм тотчас же одержал верх.

— Она наверняка в безопасности у своей подруги или у кого-нибудь из нашей компании.

— Да, но где?

— Я позабочусь, чтобы выяснить это.

Симпатичный голос молодого человека звучал ободряюще.

— Сначала я расспрошу всех, у кого есть телефоны, а потом сяду в машину и объеду остальных. В это время движение не такое уж большое.

— Большое спасибо.

— Но это же само собой разумеется. Изабель для меня... очень... действительно... очень хорошая... Итак, я думаю...

Жан-Люк закашлялся и, видимо, забыл закончить фразу. Во всяком случае, он только сказал:

— Будьте дома. Я все же надеюсь, что скоро привезу ее к вам.

Морис ухватился за эту надежду. Затем он позвонил Валери.

В этот момент он вспомнил о ней только в связи с Изабель. Между этими женщинами все же существовала какая-то связь.

— Я ждала твоего звонка, — сказала Валери.

Она хотела этим сказать, что ожидает его сообщения о визите во Вьевр. Тяготясь одиночеством в пустой квартире, Морис обрадовался невидимой собеседнице и рассказал ей о своей поездке. Во время разговора он не прислушивался к ее замечаниям, так как мысли его были заняты другим. Дюпон сначала угрожал Валери, затем, видимо, интерес к ней у него пропал, и он обратил внимание на Изабель. Это произошло сразу же после того, как было поднято забытое дело об убийстве во Вьевре. Две женщины. Два убийства. Но прав ли Фушероль в своих предположениях?

— Почему Изабель не сказала вам, куда ушла? — спросила Валери.

— У нас произошла небольшая ссора. Она разозлилась и ушла.

— Я вам не нужна? Хотите, чтобы я пришла?

— Нет, спасибо. Лучше если вы будете дома, если Изабель надумает вам позвонить.

Когда разговор закончился, бездеятельность ожидания снова стала тяготить Мориса. Милорд играл под столом конвертом от письма. Морис взял его у кота из лап. Это было спешное письмо. Вероятно, почтальон просто бросил его в ящик, а Изабель вынула его вместе с другими письмами. «В противном случае она сказала бы мне об этом, — подумал Морис. — Правда, у нее почти не было времени. Я как дикарь набросился на нее». Он мысленно увидел ее перед собой, представил, как она в отчаянии выбежала из дома и стала блуждать по темным улицам. Он никогда себе не простит, если с ней случится что-нибудь ужасное. Гонимый страхом, он бросился к телефону.

— Хелло! Комиссар Фушероль? Говорит Латель. Извините, пожалуйста, что я побеспокоил вас дома, но в опасности жизнь моей дочери.

Он в третий раз рассказал о случившемся. Недовольство комиссара, проявившееся сначала, быстро улеглось.

— Ее нет у друзей, — пояснил Морис, решивший немного покривить душой. — Я не имею понятия, где она.

- Может, она просто пошла в кино?
- А убийца дожидается ее у входа?
- Почему вы считаете, что он вдруг, без всякой причины, набросится на нее?
- Ведь речь же идет о сумасшедшем!
- Но о сумасшедшем, который действует весьма логично.

Теперь полуправда или ложный стыд стали неуместными.

Морис уже готов был выложить всю правду, но комиссар перешел к другому вопросу:

- Как выглядит ваша дочь?
- Высокая блондинка, голубые глаза. Ей девятнадцать лет.
- Морис почувствовал комок в горле, когда описывал Изабель.
- Особые приметы?
- Их нет.
- А во что она была одета?
- Черный пуловер, черные брюки и...

С трубкой в руке он сделал шаг назад и посмотрел на вешалку в прихожей. Она надела серую замшевую куртку и длинный шарф, который он подарил ей на день рождения.

Снова раздался голос комиссара:

— Сейчас я передам ее описание всем патрульным машинам и позвоню во все кинотеатры. О больницах я также позабочусь.

Холодная рассудительность этих слов вызвала в воображении Мориса вереницу ужасных образов.

— И сохраните письмо, — в заключение сказал Фушероль.

Морис соединил скрепкой угрожающее письмо с фотокопией рукописи Даниэля. Анонимное письмо было характерно для помраченного рассудка. Дюпон послал свои сообщения сначала Валери, затем комиссару и теперь — Изабель, окольным путем, через ее отца. Определенно, он скоро начнет писать в газету. Кроме того, он еще звонил Валери и приказал ей молчать, пригрозив смертью. В таких звонках он знал толк. Он даже сумел заблокировать телефон Даниэля, но почему он больше не применил свой метод? Позвонить по телефону было гораздо проще и не так уж опасно для него. Достаточно просто зайти в телефонную будку.

— Я был у Валери, когда ей принесли письмо... Сейчас подобное принесли мне... Похоже, Дюпон перестал объявлять свои угрозы по телефону с того времени, как на сцене появился я, — вслух рассуждал Морис. — Возможно, он боится, как бы я не узнал его по голосу. Даже если изменить голос, то все равно останутся некоторые характерные его особенности. Возможно, я мог бы их узнать. А если...

Выводы так быстро следовали один за другим, что Морис даже не успевал их хорошенько продумать. Они буквально набегали друг на друга. В рукописи Даниэля были некоторые подробности в связи с блокированием телефона. Морис поспешно перелистывал страницы, не обращая внимания на то, что они рассыпались. Наконец, он немного успокоился.

«Но теперь не было слышно гудка. Он хотел было ее положить, как вдруг отчетливо услышал в ней мелодичный бой часов с колокольчиками, пробивший три раза. Значит, на другом конце линии находились часы, отстававшие на четверть часа... После разговора с Даниэлем трубка не была положена на место, чтобы заблокировать его телефон...»

Вначале эти детали показались Морису несущественными, но теперь он увидел их в другом свете. Ведь если убийца был из круга знакомых Мориса, то это обстоятельство могло послужить обвиняющей уликой. У кого из его знакомых были часы с таким боем? Кто из них обладал таким низким голосом, голосом генерального директора, как назвал его Даниэль?

- Кто?
- Телефонный звонок нарушил тишину.
- Хелло!
- Вы о ней слышали?
- Это звонил Жан-Люк.

— Я нахожусь у друга. Теперь мне нужно объехать еще двух друзей. Мы разделили работу на части. Не волнуйтесь, пожалуйста.

Но Морис волновался. Он был совершенно в отчаянии. Полиция со всеми работниками и громадным аппаратом ни на шаг не продвинулась в розыске. Разве не был прав Дюпон, изменивший заголовок в интервью Даниэля на слова «Полицейский не интеллигентен»? Написав эти слова, он, так сказать, насмешливо подмигнул публике. А публика ему была нужна, это видно по сегодняшнему вечеру. Морис вздрогнул. Ему показалось, что яркая вспышка света озарила тьму, в которой он пытался искать отгадку. Словно какой-то невидимый светильник вспыхнул вдруг, подобно прожектору осветив море тьмы.

— Ему нужна публика, которой он может сочувствующе подмигнуть.

Морис чуть слышно произнес эти слова, хотя перед ним уже стоял Милорд, появившийся будто из-под земли и внимательно прислушивающийся.

— Ему нужна публика, но он может подмигивать ей только в том случае, если она знает о чем идет речь. Стало быть, Дюпон знал, что нам известен мотив преступления. Рукопись Даниэля была опубликована в газетах два дня назад, и общественность познакомилась с ее содержанием.

Вторая вспышка света пронизала тьму и озарила на этот раз другую область.

— Намеренно, вольно или невольно, но кто-то информирует Дюпона. Кто был в этот момент в курсе дела? Ясно, что не Кулонж и не его тетка, которые в этот вечер впервые оказались причастными к делу. Остаюсь я сам, Фушероль, Валери, Изабель и, естественно, Жан-Люк.

Круг все более сужался. Теперь в борьбе за жизнь Изабель Морис должен был настичь убийцу. В страхе за ее жизнь он мобилизовал все свои духовные силы. Интуиция подсказывала ему, что решение загадки — в рукописи Даниэля, что оно скрыто в его собственном подсознании, и требуется лишь ничтожный толчок, чтобы ускорить ее появление. Эта мысль побуждала его к лихорадочным размышлениям. Опершись локтями о письменный стол и обхватив голову руками, он снова перелистал фотокопию рукописи. Позвонил Фушероль, а затем Валери. Хороших новостей он не услышал ни от кого. Они хотели только спросить, слышал ли он что-нибудь об Изабель. Морис снова углубился в чтение. Он очень внимательно читал каждое слово, сравнивал, комбинировал, пересматривал абзац за абзацем, строчку за строчкой. Он все больше убеждался, что стоит на правильном пути. Сознывая это, он успокаивался и возбуждался одновременно, словно хотел вспомнить какое-то слово, которое вертится на языке. Не хватало лишь мелочи, воспламеняющей искру, от которой пелена спадет с его глаз. Стрелки часов под стеклянным колпаком отсчитывали минуты в прошлое. Кот заснул. Звонок в дверь заставил кота вздрогнуть. Морис сразу же вскочил и, полный надежды, поспешил к двери. Распахнув ее, он остановился разочарованный. Перед ним стоял Жан-Люк. Один.

ГЛАВА 15

— Я опросил всех наших друзей. Никто ее не видел.

С огорченным видом Жан-Люк вертел в пальцах мокрую шляпу от дождевика и вытирал о коврик мокрые ноги. Плачевный вид молодого человека, его неловкое поведение, шляпа, с которой он не знал, что делать, врачебная сумка под рукой и, вдобавок, непрекращающееся шарканье ботинок о коврик... Сама собой напрашивалась ассоциация: приход Дюпона к Даниэлю. Описание его было еще свежо в памяти.

«Гость тщательно вытер ботинки о коврик. Его внешность совершенно не соответствовала представлению Даниэля. В первый момент писатель даже засомневался, что стоящий перед ним человек является ожидаемым посетителем. Он держал под мышкой толстый черный портфель, а к груди прижимал черную фетровую шляпу».

Теперь, как по цепной реакции, одна мысль порождала другую. Приход Дюпона, уход Дюпона. А воспламеняющей искрой была шляпа Жан-Люка.

— Входите, — сказал Морис и увлек юношу в кабинет. — Мне сейчас на ум пришло нечто очень важное.

Казалось, будто воздух вдруг зарядился электричеством.

— Вот прочтите здесь, как Морэ описывает уход Дюпона.

Морис сунул Жан-Люку под нос текст и показал пальцем нужную строку.

«Его гость поклонился и вышел на площадку лестничной клетки.

— До свидания, мсье Морэ.

Высокая старомодная шляпа с широкими полями, в которой он казался еще меньше, прикрывала теперь его лысину».

— Прикрывала теперь его лысину, — повторил Морис торжествующим тоном. — Понимаете теперь, что это значит? Это значит, что Дюпон носит шляпу.

— Да, — отозвался Жан-Люк.

По его лицу было видно, что он не имеет ни малейшего понятия, к чему клонит Морис.

— Когда Дюпон вышел из дома и шел по улице, никто не мог подозревать, что у него громадная лысина.

— Вы хотите сказать, что, несмотря на портрет в газетах, его, вероятно, никто не узнает?

— Да, но еще труднее было нарисовать его лысым, увидев в шляпе на улице. Это просто невозможно. Но...

Морис замолчал, пораженный значением своих соображений.

— Но, — медленно продолжал он, — Валери говорила мне, что видела Дюпона только один раз. Как она утверждала, он следовал за ней по улице и на некотором отдалении от нее. Его лысину она могла нарисовать только в том случае, если бы видела его где-нибудь в другом месте и без шляпы.

Жан-Люк смотрел на него с изумлением и некоторым скептицизмом.

— Итак, вы полагаете, что мадемуазель Жубелин знает больше, чем говорит?

— Да, она лгала.

— Но почему?

— От страха перед ним. Дюпон ей тоже угрожал смертью.

Не повлиял ли он на ее дальнейшее поведение? Ведь она могла даже снабжать Дюпона информацией. Шпионка из страха? Вынужденная сообщница, но все же сообщница? Но теперь на карту была поставлена жизнь Изабель, поэтому Морис не признавал за ней никаких смягчающих обстоятельств.

— Она — единственный человек, который может вывести нас на Дюпона, — сказал Морис и взялся за телефонную трубку.

В этот момент зазвонил телефон. Валери? Нет, комиссар.

— Мы нашли вашу дочь.

Морис опустился на стул и дружеским жестом указал Жан-Люку на параллельный аппарат.

— Где она?

— В больнице.

— В больнице? Что... Каким образом? Она больна?

— Не волнуйтесь. Она будет здорова. Я говорил с врачом.

Жан-Люк вздохнул, и его вздох прозвучал как стон. Морис начал овладевать собой.

— Что с ней произошло? — спросил он.

— Она бросилась в Сену.

— Нет! Ее, наверное, толкнули туда!

— Это будет выяснено. По счастью, рядом оказался бродяга. Он ее и вытащил.

— Да здравствует бродяга, — прошептал Жан-Люк.

— Когда я смогу ее увидеть?

— До завтрашнего утра нельзя. Я должен с ней поговорить.

— В какой она больнице?

— Будьте благоразумны, Латель. Как только я с ней поговорю, я вам сообщу. И не пытайтесь ее разыскивать. Я дал указание: никого из посетителей к ней не допускать.

— Я имею право узнать...

— Что ваша дочь жива и здорова, да. Даю вам честное слово, что вы совершенно зря беспокоитесь о ней.

На этом разговор был окончен. Жан-Люк сидел, и слезы стояли в его глазах. Морис основательно высморкался. Крепко спавший Милорд возмущенно фыркнул и проснулся.

— Самое главное, что она здорова и находится в безопасности, — сказал Жан-Люк.

Морис еще не совсем пришел в себя от волнения. Если Изабель на самом деле хотела покончить с собой, то его вина делается вдвойне тяжелее.

— Нет, из-за одной пощечины не бросаются в воду. Это — попытка убийства.

Стрелка на весах его рассуждений колебалась то туда, то сюда. То указывала на убийство, то на попытку к убийству... Но самоубийства, как известно, не повторяются. Он должен окружить ее любовью, должен относиться к ней с добротой и снисходительностью, и может даже извиниться перед ней в случае необходимости. Но попытка к убийству могла повториться, а этого не следовало допускать. Надо было ковать железо, пока оно горячо и, если нужно, даже пожертвовать Валери.

— У нас теперь еще меньше времени, чем прежде, — сказал Морис. — Я позвоню мадемуазель Жубелин и попрошу ее приехать.

— Не лучше ли поставить в известность полицию?

— Нет, я сам займусь Валери.

Морис теперь решил высказать свое мнение и начать борьбу с судьбой, выбросив из головы дружеские чувства вместе с любовными. Довольно быть жертвой своих лучших чувств и все время попадать из-за них впросак. Видимо, его используют как дурака! Но если напали на его дочь, то пусть узнают его с другой стороны! Он положил Жан-Люку руку на плечо и сказал решительным тоном:

— Слушай внимательно, мой мальчик, она обязательно заговорит...

Дождь прошел, небо прояснилось, и появилась луна, прикрытая легкой пеленой тумана. Шум мотора нарушил тишину: подъехало такси и вскоре скрылось в конце улицы Кошуа. Снова стало тихо. Валери вошла в сад, где с каштана опадали листья. Она энергичными шагами спешила по дорожке, ведущей к входной двери дома. Вдруг, словно из-под земли, перед ней выросла темная фигура. Валери бросилась назад. Ее высокие каблуки глубоко увязли в намокшем газоне, и она споткнулась. Когда она восстановила равновесие, бежать было некуда. Фигура стояла возле калитки сада и отрезала ей путь к отступлению. В полутьме она увидела худого невысокого мужчину. Он прижимал к груди какой-то предмет, похожий на портфель. Ей показалось, будто он сунул в него руку. Но больше всего Валери испугалась, увидев его огромный лысый череп, сверкающий в ярком лунном свете. Нетвердыми шагами Валери отступила в сторону. Ее туфли увязли в размягченной земле, и она несколько раз споткнулась, прежде чем добралась до кирпичной стены ограды. С расширенными от страха глазами она прижалась к ней, почти парализованная ужасом.

Мужчина медленно приближался к ней.

— Вы... вы сошли с ума, — пробормотала она.

Он ответил ей тихим смехом. Не спеша, он подошел поближе, видимо, наслаждаясь выражением ужаса на ее лице. Затем он осторожно вынул руку из портфеля и протянул ее вперед. В руке у него оказалось нечто вроде пистолета с длинным стволом, направленным на Валери. Девушка бормотала какие-то отрывистые слова. Морис стоял слишком далеко и не мог слышать того, что она говорила. Он стоял в подъезде дома и, затаив дыхание, с волнением следил за сценой в саду. Мужчина продолжал стоять перед Валери. Теперь ствол оружия был менее чем в метре от жертвы. Приглушенный крик вырвался из ее горла, затем она пошатнулась, скользнула вдоль стены и упала в обморок. Морис подбежал к фигуре.

— Все в порядке, — заявил Жан-Люк и снял блестящий парик, прикрывавший его волосы. — Она от страха упала в обморок.

Он спрятал бутафорию в портфель. Из-за позднего времени ему не так-то легко удалось раздобыть этот реквизит. Он с трудом уговорил своего друга-режиссера поехать в театр и достать его там. Но результат получился очень хороший, и Жан-Люк был вполне удовлетворен.

— В темноте все прошло очень хорошо, но я не знаю, что теперь делать?

Морис равнодушно смотрел на бесчувственное тело девушки. Сочувствие больше не находило места в его сердце.

— Она что-нибудь сказала?

— Да. В страхе она произнесла довольно странные слова. — Жан-Люк взъерошил голову, стараясь припомнить, потом сказал: — Она сказала: «Но Дюпона же не существует!».

ГЛАВА 16

— Но Дюпона же не существует!.. Но разве Валери не должна больше, чем кто-либо другой, быть убежденной в его существовании? — рассуждал Морис.

Преследуемый по пятам Милордом, пораженный Морис ходил взад-вперед по кабинету. Жан-Люк оказывал помощь Валери в комнате Изабель. Даниэль рассказал ей о Дюпоне. Она его нарисовала. Он ей звонил по телефону. Она видела его перед рестораном. А сегодня, стоя перед ним под стволом пистолета, она сказала: «Но Дюпона же не существует!». Эти слова находились в полном противоречии со всеми фактами, от которых она не раз приходила в ужас. Морис все еще был занят своими рассуждениями, когда Жан-Люк вышел из комнаты со шприцем в руке.

— Я дал ей успокоительное средство, она теперь заснула.

Заметив недовольное выражение лица Мориса, он стал оправдываться:

— Она была в истерике.

— Может быть, она просто притворялась?

— О нет, она действительно находилась в смертельном страхе.

— Ее слова не были игрой?

— Ни в коем случае.

— А вы не могли ослышаться?

— Нет, я слушал очень внимательно.

Жан-Люк убрал шприц в коробочку и положил ее во врачебный чемоданчик. Затем он попросил разрешения вымыть руки, и Морис отвел его в ванную, насыщенную ароматом душистого мыла, которым пользовалась Изабель. Итак, в словах Валери не приходилось сомневаться. В фактах — тем более. А ее слова противоречили фактам.

— В своих рассуждениях мы можем прийти к абсурду, — сказал Жан-Люк, открывая кран. — Сегодня вечером мадемуазель Жубелин была убеждена, что на нее напал Дюпон и хотел ее убить. Она приняла это за правду, хотя Дюпон был только иллюзией...

— Убийство Даниэля не было иллюзией, так как его рукопись и портрет Дюпона, его звонки по телефону, а также угрожающие письма тоже существовали...

— Письма мог отправить и кто-нибудь другой, — возразил Жан-Люк, вытирая руки. — То же касается и телефонных разговоров.

Это замечание породило другие сомнения. Никто не мог подтвердить, что Валери нарисовала портрет Дюпона случайно. Она была одна в квартире, когда Дюпон звонил ей...

И в ресторане, — задумчиво проговорил Морис, — никто, кроме неё самой, не видел Дюпона. Я сидел спиной к окну, а когда вышел на улицу, там никого не оказалось.

Многие факты, которые раньше казались вполне достоверными, были приняты на веру только со слов Валери. Но разве теперь можно было слепо доверять ее утверждениям? Портрет убийцы без головного убора явно доказывает, что она солгала, по крайней мере, один раз.

— Но сегодня вечером она определенно не разыгрывала роли, — снова напомнил Жан-Люк.

Когда они вышли из ванной, Жан-Люк заглянул в комнату Изабель, в которой лежала Валери. Он удовлетворенно кивнул.

— Она спит.

— А когда она проснется?

— Часа через два-три. Это зависит от организма.

Валери спокойно спала в то время, как механизм, приведенный ею в действие, медленно, но верно разрушался. Морис был важнейшим рычагом в этом механизме, который ей больше не повиновался. Не в его силах было запретить своему мозгу рождасть идеи, которые приводили к дальнейшим выводам. Не по его вине неумолимая логика привела в конце концов к мысли, что Валери была сообщницей убийцы. Морис почувствовал себя разбитым и совсем обессиленным. По лицу Жан-Люка тоже было заметно, что он сильно потрясен событиями.

— Теперь нам надо сварить крепкий кофе, — сказал Морис и повел Жан-Люка на кухню.

Они вместе сварили кофе. Оба были молчаливы, проявляя обоюдное участие, а затем, как старые друзья, сидя за кухонным столом, попили кофе. Жан-Люк достал из кармана сигареты и предложил Морису. Тот достал бутылку виски и налил по половине чашки.

— За здоровье Изабель! — сказал Жан-Люк.

— За поимку убийцы! — сказал Морис и сделал глоток.

После такого лечения возвращение к жизни произошло незамедлительно. Кровь быстрее побежала по жилам, щеки порозовели, глаза заблестели.

— Если Валери с самого начала была его сообщницей, значит, она нас все время обманывала.

Морис разлил по чашкам остатки виски.

— По неизвестным пока нам причинам она выдумала Дюпона и все остальное. Его появление перед рестораном, его угрозы, его телефонный звонок...

— Кроме того, все то, что было нам преподнесено в предместье Сен-Мартин, у Кулонжа.

— Да, к этому я и хочу перейти. Если она на самом деле сообщница убийцы, то с ее стороны было глупо появиться там в тот вечер на глазах у всех.

— Правильно, значит, она невиновна, — заключил Жан-Люк, который под влиянием алкоголя сделался гуманным.

Мориса алкоголь, наоборот, побуждал к смелым предположениям:

— Но также могло быть...

Сильный удар прогремел в квартире. Они вскочили и выбежали в прихожую. Входная дверь была открыта. Бледная, еле державшаяся на ногах Валери стояла, прислонившись к стенке.

— Куда вы хотите идти? — спросил Морис.

С искаженным от напряжения лицом девушка пыталась оттолкнуться от стены. Действие лекарства было еще настолько сильным, что она зашаталась при попытке двинуться к двери. Жан-Люк заслонил собою дверь.

— Вы должны лечь. Пойдемте.

Валери обеими руками ухватила за косяк и напряженно покачала головой. Она невнятно проговорила, с трудом ворочая языком:

— Я хочу уйти...

— Вы еще не можете ходить.

— Нет... нет... могу.

Она пошатнулась.

— Почему вы хотите уйти? — спросил Морис.

Она уставилась на него, словно впервые его увидела.

— Прошу... я хочу уйти... прошу, — медленно проговорила она.

— Потому, что вам нужно проинформировать убийцу о том, что произошло? — спросил Морис.

Валери съежилась, и кровь прилила к ее лицу. Слегка пригнув голову, как боксер, готовящийся к нападению, она с неожиданной силой оттолкнула Жан-Люка, бросилась к двери и выскочила на лестничную площадку. Там она зашаталась так сильно, что ей пришлось балансировать руками, чтобы сохранить равновесие. В ее широко открытых глазах было выражение бесконечного отчаяния. Она тихонько заплакала и упала без чувств на руки Жан-Люка. С помощью Мориса он отнес ее обратно в спальню. Приподняв веко, он констатировал:

— Теперь она опять заснула.

Морис стал копаться в сумочке, которую Валери оставила на софе при попытке к бегству. Среди многочисленных мелочей, которые женщины носят в сумочках, он нашел ключ от ее квартиры и положил себе в карман. Взглянув на спящую Валери, он спросил у Жан-Люка:

— Могу я вам ее доверить до утра?

— Само собой разумеется. Я отсюда не уйду. А что вы собираетесь предпринять?

— Я поеду к ней на квартиру.

— Не лучше ли обратиться в полицию?

— Нет, — решительно отказался Морис.

Жан-Люк не стал возражать, но проводил отца Изабель до двери с озабоченным видом.

— Можете не волноваться, — дружески проговорил Морис. — Я убежден, что к утру весь этот кошмар рассеется.

Он сошел вниз по лестнице, вышел в сад, освещенный яркой луной, и сел в свою машину. Мотор был холодным и заработал только с третьего раза. Наступило время тишины, которое начинается по окончании работы метро и длится до начала его работы. В эти особенные часы в Париже такая тишина, как в маленьком городке в провинции.

Улица Гей-Люссака не была исключением. Морис поставил машину, невзирая на то, что стоянка была запрещена. Во время своей не более чем пятнадцатиминутной поездки он составил себе план действий.

Как только он вошел в квартиру Валери, он начал выполнять его. Не теряя времени, даже не сняв пальто, он тут же взял телефонную трубку и набрал номер приема телеграмм.

— Мне нужно отправить телеграмму в черте Парижа, — сказал он.

— Мы не принимаем телеграмм до семи часов утра, — возразил служащий, — за исключением особо срочных случаев.

— Это и есть особо срочный случай. Тяжелый несчастный случай.

Морис почувствовал легкое угрызение совести, но решил, что его ложь имеет оправдание. Он продиктовал текст.

**«Дюпон чувствует себя плохо. Не могу к тебе приехать. Не звони.
Приезжай скорее.
Валери.»**

Он положил трубку. Очутившись в этой знакомой квартире, он вдруг вспомнил, как часто мысленно бывал здесь. Да и не только мысленно. Только вчера он сидел здесь и смотрел на Валери, склонившуюся над рисунком. Глаза его заблестели, когда она подняла голову и посмотрела на него. Нет, сейчас по телефону он не солгал. На самом деле произошел тяжелый несчастный случай и даже со смертельным исходом. Умерла любовь в его сердце. Лучше всего было бы просто поплакать, но слезы, стоящие в его глазах, нисколько не смягчили его решимости. Он прошел в ванную, умылся холодной водой и вернулся в комнату.

Теперь, когда все уже было сделано, он почувствовал усталость и прилег на кушетку. Чтобы не заснуть, он стал внимательно разглядывать окружающую его обстановку. Над ним в воздухе парили рыбы, на которых с того же места смотрел восемь дней назад Даниэль. Да, он правильно тогда заметил, что зеленая рыба вдруг бросилась на него с раскрытой пастью. Это был точно такой же кошмарный сон с таким же внезапным пробуждением. Что это: зазвонил телефон или звонок у входной двери? Между щелями жалюзи проходил тусклый свет. Снаружи в замке повернулся ключ. Морис очнулся и поднялся. В маленькой прихожей раздались шаги. Затем в комнату вошел... Кулонж.

ГЛАВА 17

Увидев Мориса, он в испуге остановился.

— Входите сюда, — сказал Морис. — Телеграмма была от меня.

— Где мадемуазель Жубелин?

— Можете спокойно называть ее Валери. Если у вас есть ключ от ее квартиры, то можете позволить себе и эту фамильярность.

Кулонж нахмурился и подошел ближе.

— Где она?

— У меня. Жан-Люк заботится о ней. Когда она узнала, что мы обнаружили убийцу Морэ, она упала в обморок.

— Убийцу Морэ...

— Конечно, это вы, а Валери — ваша сообщница.

Кулонж не стал протестовать и не пытался лгать. Казалось только, что его сильное тело сразу обмякло. Он понял, что возражать бесполезно, и взял на себя ответственность за преступление, тем более, что Морис обвинил Валери. Кулонж тихо прикрыл дверь, повернулся и сказал:

— Морэ был последним мерзавцем.

Морис промолчал. Ему нечего было возразить.

— Я полагаю, — немного иронично пробормотал Кулонж, — что теперь вы охотно выслушаете мое признание.

— Если вы не предпочтете говорить в полиции.

— Нет.

Было заметно, что Кулонж прекрасно ориентируется в квартире Валери. Достав сигарету из позолоченной коробки, он сел напротив Мориса на стул.

— Я вас очень ценю, мсье Латель, — сказал он, закуривая. — Если вы не возражаете, то я сначала хотел бы поговорить с вами как мужчина с мужчиной. Потом вы сможете составить свое собственное мнение. Вы уже знаете о драме во Вьевре, не правда ли? Давид Шнеберг был клиентом банка, в котором я работаю. В своих операциях он всегда пользовался моими услугами. Примерно года полтора назад он снова приехал в банк и обратился ко мне...

Это была простая история, даже разочаровавшая своей банальностью. Шнеберг подал пакет ценных бумаг, который Кулонж должен был продать, и получил от него расписку... Шнеберг не заметил, что между ценными бумагами большого размера лежали маленькие.

— Я тоже обнаружил их позднее. Там лежало восемь свободно продаваемых бумаг на общую сумму восемь тысяч четыреста франков, о которых Шнеберг не знал. Я получаю всего девятьсот франков в месяц, а Шнеберг был так богат...

— Значит, вы их присвоили?

— Да. Но некоторое время я выжидал, однако Шнеберг о них не спрашивал и, в конце концов, я их продал. И как нарочно, через два дня после этого он их хватился. Он проверял сейф и не нашел бумаг. Он спросил меня, не завалились ли они среди других бумаг. Я обещал проверить наличие.

— А вы не опасались, что у него могла быть ваша расписка на них?

— В принципе, да. Но номера бумаг при операции списываются. Если провести официальное расследование, то можно установить факт продажи их на бирже. И тогда бы мне не удалось спастись. Я признался в этом Валери.

— Вы уже были с ней знакомы?

— Да, уже три месяца. Срок небольшой, но это не имело значения. У нас с самого начала было все в порядке.

Эти слова поразили Мориса в самое сердце. Он сунул в рот сигарету и стал возиться со спичками. Говоря о Валери, Кулонж как-то успокоился. С прояснившимся лицом он продолжал:

— Может быть, вам смешно, но мы с Валери действительно как две разъединенные половинки, которые нашли друг друга.

Морису было не до смеха, и он резко сказал:

— Ну, рассказывайте о девятнадцатом июня.

— В воскресенье после обеда я был у Морэ и беседовал с ним о криминальном романе, который я в то время писал для него. Валери в этот день поехала к Шнебергу во Вьевр.

— Это вы ее послали?

Кулонж возмущенно выпрямился:

— За кого вы меня принимаете? — Затем, пожав плечами, он продолжал: — Верите или нет, но Валери поехала туда, даже не предупредив меня. Она надеялась уговорить Шнеберга взять за бумаги деньги и закончить на этом дело. Но это ей не удалось. Он был немного пьян, и хмель ударил ему в голову, когда очаровательная девушка обратилась к нему с просьбой. Он стал к ней приставать, и Валери ударила его тяжелой лампой, стоявшей на камине... Остальное не трудно себе представить. Шнеберг упал с проломленным черепом, а Валери в отчаянии позвонила от него к Морэ. Я разволновался и доверился ему.

— И он отвез вас во Вьевр на своем «Ягуаре». Но почему свидетель видел на заправочной станции его одного?

— Он сначала высадил меня возле дома Шнеберга. Мы не знали, что он умер, думали, что он просто потерял сознание. Мы надеялись, что из страха перед скандалом он не станет доносить на Валери... Но он был мертв. Это был несчастный случай. Валери упала в обморок, с ней это случается. Я же был сам не свой и не знал, что делать. Тогда я позвал Морэ, который ожидал нас перед домом.

Кулонж сделал паузу и продолжал:

— В этот раз Морэ впервые увидел Валери. И с этого началось. Мы вынуждены были делать все, что он потребует. Морэ не советовал звонить в полицию, так как никто не знал о присвоении мною бумаг и о визите Валери к Шнебергу. Мы тщательно вытерли лампу и поставили ее на место, на камин, а потом уехали в Париж. Сначала я был очень признателен ему и только потом понял, что он поступил так не из благородства, а совсем по другим мотивам. Вы можете себе это представить. За последние два года все его романы написал я. Морэ уже устал, выдохся, он ничего не мог придумать сам. Морэ — мастер детективной литературы — был я. Но об этом не знал никто, кроме моей тети... Я не могу на нее сердиться, — с нежностью продолжал он. — Она желала мне добра, но если бы не ее поступок, то вы бы не узнали о моем существовании и не приехали бы в предместье Сен-Мартин. Валери, между прочим, приехала туда в первый раз и, как нарочно, появилась тогда, когда и вы там находились.

Шаг за шагом Морис получал подтверждения всем своим предположениям.

— Но почему же она так поступила? — спросил он. — Это ведь было очень легкомысленно.

— Она приехала из-за черного «Пежо», который преследовал вас. Это ее так сильно беспокоило, что она хотела непременно поговорить со мной. К сожалению, у меня нет телефона.

— Кстати, о телефоне, — сказал Морис. — Вы уже потом, так сказать, задним числом, вызвали туда всех остальных, чтобы появление Валери не показалось подозрительным, не так ли?

— Да, это сделал я, когда вы с Валери находились наедине в комнате моей тети. И также я опустил в ящик конверт.

— Другие письма писали тоже вы?

— Да, — стыдливо признался Кулонж и тут же добавил: — Само собой разумеется, я не имел ни малейшего намерения причинить вред вашей дочери.

— Но почему вы угрожали ей?

— Я хотел таким образом направить полицию на поиски Дюпона. Валери позвонила мне в банк сразу же после вашего звонка.

— Итак, продолжим о Морэ.

— Вы понимаете, почему он выручил нас из затруднительного положения? — спросил Кулонж. — Он прежде всего преследовал свою выгоду. И он стал держать меня в руках с тем, чтобы я работал вместо него. Я был вынужден оставаться тайным автором всегда. С этим, однако, я бы еще примирился, если бы он не перенес свои вымогательства на Валери, угрожая ей полицией и тюрьмой. Он заставил ее стать его любовницей.

Кулонж встал и с высоты своего почти двухметрового роста продолжал:

— Да, такой свиньей был ваш друг.

Морису невольно пришла на ум параллель: Валери и Изабель. Одну он запугал, другую получил посредством лживых обещаний.

— Валери много месяцев терпела, ничего мне не говоря, — продолжал Кулонж, — но потом она не смогла больше выдержать и все мне рассказала. Мы пришли к выводу, что он должен умереть.

Теперь рассеялся остаток тумана, и Морис понял всю правду. Сначала он видел все в ложном свете, так как не учитывал важного психологического момента, а именно, профессии главного действующего лица. Как убийца, так и жертва были авторами детективных романов. Недавно Кулонж решительно заявил: «Морэ — автор криминальной литературы — это я». Теперь стали понятны и слова Валери, испуганной появлением фальшивого Дюпона.

— Дюпона не существовало, — сказал Морис. — Вы его просто придумали, чтобы направить полицию по ложному следу.

Теперь Морис не нуждался в подтверждении Кулонжа. Теперь он твердо знал, что рукопись Даниэля была фальшивой.

— Вы написали рукопись, а Валери нарисовала портрет. Встреча Морэ с Дюпоном была плодом вашего воображения.

Кулонж вздохнул.

— И когда вы очень искусно перемешали выдумку с правдой, — продолжал Морис, — это несуществующее стало более вероятным. Морэ и сам прибегнул к обману, когда звонил мне и спрашивал о Дюпоне. Вероятно, он сделал это по просьбе Валери, не так ли?

— Да. Когда он вам звонил, она была еще дома. Она сказала, что ей это необходимо для информации рекламного агентства. Конечно, Морэ понятия не имел, что этим он подготавливает свою смерть.

В циничной речи Кулонжа не было и тени раскаяния. Он добавил деловым тоном адвоката, объясняющего условия контракта:

— Мы предварительно обо всем договорились.

— Но все же Валери рисковала, — заметил Морис. Он имел в виду рукопись, портфель и все остальные пункты, в которых она была сообщницей. — Вы ее или она сама себя поставила в такое опасное положение?

— Нападение — лучший способ защиты, — ответил Кулонж.

— Все же для нее безопаснее всего было бы совсем не впутываться в это дело.

— Практически это было невозможно. Рано или поздно полиция обратила бы внимание на ее связь с Морэ.

Морис был вынужден согласиться с этим. Когда он передал рукопись комиссару на набережной Орфевр, тот сказал, что собирался вызвать Валери уже на следующий день. Если бы комиссар не получил сведений о других отправных точках, он стал бы расследовать версию столкновения между любовниками.

— Полиция с самого начала должна была убедиться в том, что это дело рук сумасшедшего, — вновь с воодушевлением продолжал Кулонж.

Его глаза снова ожили, и в них сверкнуло нечто вроде гордости, когда он добавил, видимо, забыв, в каком положении находится:

— В этом отношении все было удачным. Все шло как по маслу.

Морис должен был отдать ему должное. Все было мастерски спланировано и точно выполнено. Он невольно восхищался блестящей идеей и великолепно разработанным планом, оригинальность которого он мог вполне оценить, как специалист. Для него эта драма на какое-то время утратила свой человеческий аспект и превратилась в интеллектуальную, умственную, спортивную задачу высшего класса.

— Где и когда вы отпечатали текст? — спросил Морис.

— У Морэ. На его «Смит-Короне». В ту последнюю ночь, которую он провел с Валери.

— А где вы взяли ключ от его квартиры?

— Об этом позаботилась Валери. У нее был ключ... Утром она позвонила мне и сообщила, что Морэ звонил вам по поводу Дюпона, и передала содержание вашего разговора. Она позвонила мне из автомата, как только вышла из дома, оставив там Морэ.

— Вы не опасались, что вас могли застать в его квартире?

— Я знал, что по утрам уборщица туда не приходит.

— А если бы Морэ вернулся раньше, чем вы рассчитали?

— Тогда Валери предупредила бы меня об этом по телефону. Он должен был потратить на дорогу не менее получаса. У меня было бы достаточно времени, чтобы сделать все необходимое.

— А именно?

— Во всяком случае, мне все равно пришлось его ждать. Как только он вошел, я его застрелил.

— А если бы он долго не возвращался?

— Тогда мне пришлось бы отложить это.

Кулонж говорил совершенно равнодушно, но капли пота на лбу выдавали его волнение.

— Знаете, самое худшее заключалось не в самом убийстве Морэ. Гораздо тяжелее было перед этим, ночью, когда я находился в его квартире. — В сильном возбуждении он пояснил: — Для Валери эта ночь была кошмарной и для меня — тоже. Он находился у нее, в ее постели, а я, полумертвый от ревности, сидел за машинкой и перепечатывал рукопись.

Кулонж посмотрел Морису прямо в глаза. Взгляд его был твердым и непреклонным.

— Я не раскаиваюсь.

— Этого я не стал бы говорить на суде, — сказал Морис.

Кулонж повернулся и взял сигарету из позолоченной коробочки. Он курил быстрыми затяжками и, несмотря на самообладание, было заметно, что нервы его на пределе.

— Последняя сигарета кандидата на смертную казнь, — сказал он. — Я ведь заслужил ее, не так ли?.. В конце концов, я совершил почти идеальное убийство.

С горькой иронией он добавил:

— Ну, значит, я не настолько умен, как думал. Морэ был прав: убийца не интеллигентен. — Он попытался улыбнуться, но получилась гримаса. — Чего же вы ждете? Почему вы не звоните в полицию?

Морис не шелохнулся. Его чувства изменились и приобрели удивительную ясность. Он не узнавал самого себя. Молодой человек, сидевший напротив него, умышленно убил человека, но, несмотря на это, он не сердился на него, не презирал его. Вопрос оставался открытым: кто в этом случае более виновен, преступник или жертва? Морис встал и тихо произнес:

— Если кто-нибудь является в полицию добровольно, то это рассматривается на суде как смягчающее обстоятельство.

* * *

Париж проснулся, появились всевозможные звуки дневной жизни. Стуча и гремя, проехали внизу молочные повозки.

«Любимый папа!

Прости меня за горе, которое я тебе причинила, но я не могу больше жить. Я ни в чем не упрекаю тебя, это не из-за пощечин и не из-за твоих упреков...»

Письмо пришло с утренней почтой. Изабель была уже дома, но тем не менее слова дочери глубоко потрясли Мориса.

«Я не думаю больше о прошлом, но Жан-Люк такой порядочный, такой чистый юноша. Надеюсь, он не узнает об этом. Что же он обо мне подумает? Я не могу теперь смотреть ему в глаза, мне до смерти стыдно...»

Разве могло быть что-либо более волнующее, чем детское признание? Чуть было не совершилась трагедия. Ни Морис, ни его дочь ни словом не упомянули о случившемся после того, как Жан-Люк доставил Изабель в своей машине на улице Кошуа.

Морис дважды перечитал письмо, затем положил его на решетку камина и поджег спичкой. Милорд внимательно следил за ярким пламенем, охватившим письмо. Из соседней комнаты доносилась джазовая музыка. Изабель и Жан-Люк слушали пластинки. На первой странице газеты было помещено фото «несчастливой влюбленной пары». Кулонж и Валери стояли, выпрямившись, друг возле друга и смотрели на зрителей. В их спокойных лицах, казалось, чувствовалось какое-то облегчение.

— Да, я же говорил тебе, малыш, что скоро мы останемся с тобой вдвоем, два старика.
Из соседней комнаты донесся смех, такой звонкий, что он перекрыл звуки музыки. Это был смех беззаботной юности.
И Морис тоже улыбнулся.